

Маргарита Ардо

БЕССЕРДЕЧНО
Влюблённый

Маргарита Ардо

Бессердечно влюбленный

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18739539

Аннотация

На каждого тигра есть свой укротитель, на каждого тирана – свой революционер. Так получилось, что революцию пришлось устраивать мне. В офисе, на родине революций – в Париже и в сердце тирана.

Как бы мне не пришлось за всё это отвечать...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	78
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Маргарита Ардо

Бессердечно влюблённый

Глава 1

– Как же я его ненавижу! – вопль отчаяния взорвал тишину моей уютной кухни.

Канарейка запнулась, кот упал с кресла. Чайник вскипел. Я достала из шкафчика вишнёвый ликёр, понимая, что чаем с пирожными мы не обойдёмся.

Дежа-вю. Одно и то же повторяется каждую пятницу. И всё потому, что моей подруге Дахе очень не повезло с боссом.

– Говорят, что тиран нужен для закалки... – начала было я.
– Знаю-знаю, – безжалостно села на оранжевый раскладной стул Даха, тот скрипнул в ответ. – Но передай своему Кастанеде, что его я тоже ненавижу! Наговорил тут, понимаешь, ерунды, теперь тираны плодятся и думают, что так и надо! И вообще, я уже готова купить где-нибудь дихлофос... тьфу, цианистый калий, чтобы подсыпать этому боссу в кофе! Да, не смотри на меня так! Я закалилась до уровня великой отравительницы Екатерины Медичи, потому что уверена – буду смотреть и смеяться, глядя, как Михаил корчится в муках на паркете! Вот честно!

– Ты же собиралась увольняться... – напомнила я.

– Этот гад не подписал заявление! Снова! – Даха распустила пучок и встряхнула головой, высветленные волосы рассыпались по плечам. Разрозовевшись от гнева, Даха стала ещё красивее – карие сверкающие глаза, прямой, немножко острый носик, правильный овал лица и точёная фигура.

Мы с ней одного роста и телосложения, только у меня волосы светло-русые от природы, сейчас до пояса, и глаза голубые. А до решения подстричься и стать блондинкой Даха была прекрасна и в каштановом цвете. Мы вместе учились на французском отделении педагогического университета и одно время даже снимали комнату. Было весело. С Дахой не соскучишься. Сейчас нам по двадцать шесть, и можно сказать, что мы начали остепеняться, но в восемнадцать – все ноги оттанцевали. У нас даже фамилия одинаковая – Иванова, только она – Дарья, а я – Виктория.

– Но ведь директор не имеет права тебя удерживать, – возразила я, ставя перед подругой голубую рюмочку на тонкой ножке из бабушкиного сервиза и раскрывая коробку с пирожными.

– Имеет! Согласно контракту, который я год назад подписала, как полная дура! – воскликнула Даха. – Там мелким шрифтиком, как в кредитных договорах, написано, что руководитель имеет право задержать меня на рабочем месте, пока я не предоставлю полноценную замену. Урод!

– Бред какой-то.

– Именно, что бред! А они говорили – стандартный трудовой контракт. Я его даже и не читала особо... Вик, я не знаю, что делать! Ведь уже все сроки прошли, билеты куплены! Если я снова отложу, вдруг Манюэль передумает на мне жениться?! – глаза Дахи наполнились слезами.

Я тронула подругу за плечо и села напротив.

– Не передумает. Он же тебя любит.

– Но Маню и в тот раз дулся, и в мэрии уже дата назначена! Не знаю, как ему удалось убедить чиновника поговорить с невестой по Скайпу! – Даха выпила залпом любимый ликёр и даже не заметила, как.

– А что говорит отдел кадров? Неужели ты сама обязана искать кандидата на свою должность?

– О! – заломила руки Даха, как актриса древнегреческой трагедии. – Отдел кадров, уверена, скинется на мышьяк и закажет пирожки на поминки за свой счёт. Они уже прислали пару дюжин кандидаток. Михаилу никто не подходит!

– Но речь просто о работе ассистента...

– А кажется, что выбирает представителя в межгалактический совет... Чтоб он подавился всеми кроликами, удав! Столько требований, зашибись! – стукнула ладонью по столу Даха и разревелась. – А я замуж хочу! Во Францию! К Маню любимому.

Честно говоря, смотреть, как подруга плачет, было больно. Я её обняла, отчаянно перебирая в голове варианты кандидатур и пытаюсь найти решение. Римма уехала в Шта-

ты, Алёна беременна, у Кати двое детей, и ей не до работы! А остальных бы я и не порекомендовала. Даже среди выпускниц факультета иностранных языков встречаются те, кто языки знают не очень...

– А ты, Даха, полностью его требованиям соответствуешь, – констатировала я. – Можешь считать себя крутой.

Она всхлипнула:

– Ага... А Михаил на меня постоянно рычит. Хотя он на всех рычит. Хоть бы раз похвалил! И вдруг, с бухты-баряхты выяснилось, что я незаменимый работник!

– А если работать хуже?

– Не получается. Я ответственная.

– Хм... ну а просто махнуть на него рукой и уехать? – подмигнула я. – Тебе же по сути плевать на него. Он будет вынужден уволить тебя за прогулы.

– А мне придётся выплатить штраф – это раз, а два – этот гад не отдаёт мне загранпаспорт. Хранит в сейфе, якобы для оформления визы в командировку. Забрал и всё. Ненавижу!

– Так это противозаконно! Можно в суд...

Даха посмотрела на меня с укоризной:

– Это только в кино подать в суд – раз плюнуть, а на деле фиг его знает, как туда обращаться. И вся эта ерунда точно займёт не одну неделю. Вик! Что делать?! Мне уже в следующую субботу надо выходить из самолёта в Париже, красивой и цветущей, как лесная нимфа, чтобы Маню не передумал жениться! Вот как найти крутого двуязычного перевод-

чика, чтобы соображал быстро, печатал без ошибок и со всеми программами Офиса дружил? Все эти презентации, аксессы, эксели... И обязательно без семьи! Как?! Нет, я куплю яду! – Даха подлила себе ликёра из хрустального графинчика и подняла рюмку. – За Михаила. Не чокаясь.

Мда, ситуация. Подруге отчаянно хотелось помочь. Мой мозг работал в режиме перегрузки и внезапно выдал рискованную мысль. Эврика! Хотя радоваться перспективе шагнуть в клетку с тигром было не с руки, но я ведь люблю Даху! И я сказала:

– Вообще-то я бы подошла на твою должность.

Даха вскинула на меня изумлённые глаза. Аж плакать перестала.

– Ты?!

– Ну да, – я пожала плечами. – Френч и Инглиш у нас с тобой на одном уровне ещё с универа. Вроде я не туго соображаю. Не только в Офисе, но и в бухгалтерских программах работаю.

– О, Боже! Викуля! Но тебе же оно даром не нужно! – воскликнула подруга. – Зарплата хорошая, соцпакет, все дела, но Михаил – такая сволочь! Тиран, гад и вообще, чтоб его черти с салом съели!

– Зато тебе это нужно, – спокойно сказала я. – А для меня будет приключением. Встряхнусь.

– Слушай, а ведь тебе ещё ни на одном собеседовании не отказывали, – с надеждой проговорила Даха, но тут же осек-

лась: – А как же твои книги? И ученики?

Дело в том, что я уволилась с постоянной и хорошо оплачиваемой работы полтора года назад. У меня наступил кризис жанра. Вымотанная работой, я смотрела в тот вечер конкурс певцов по телевизору. И позавидовала им: люди занимаются тем, что любят, и этим зарабатывают на жизнь. Я окончила филологический со знанием иностранных языков, потому что люблю слова, а не для того, чтобы работать секретарём с неограниченным кругом обязанностей пусть и в известной, но очень нелюбимой иностранной компании. И я поняла, что мне отчаянно жаль жизни, которую трачу зря. В конце концов, вдруг я умру завтра, а счастливой побыть так и не получится? Нет, – решила я, – надо обязательно попробовать быть счастливой! И на следующий день подала заявление об увольнении.

Шеф был в шоке. Я немного тоже, потому что было абсолютно неизвестно, чем питаются писатели в промежутке между обычной работой и бестселлером на миллион.

Но всё как-то сложилось само: бывшие сотрудники стали звонить с просьбой подтянуть их самих или их детей по английскому, совершенно легко получилось стать удалённым переводчиком в отделе французской художественной литературы одного крупного издательства. И пусть это звучит несколько самоуверенно, но Даха сказала правду: ещё ни по одному собеседованию я отказа не получила. Наверное, умею правильно улыбаться. Даже в телефон.

Немного поперевадив чужие книги, я созрела и на свою собственную. Про любовь, конечно же. Мой роман даже продаётся в сети. И неплохо. Сейчас я взялась за вторую.

В общем, я привыкла быть хозяйкой самой себе, и от перспективы снова погружаться в офисную жизнь засосало под ложечкой. Но дружба познаётся в беде. Я помню Дахины слёзы, когда они чуть не расстались с Маню. Что угодно сделаю, лишь бы она не ревела больше так!

С уверенной улыбкой я сказала вслух:

– Освежу идеи и потом напишу что-нибудь такое, производственное. Я же не сказала, что собираюсь идти к твоему тирану навечно.

– А как? – Даха подалась вперёд и вытерла нос салфеткой.

– Дождусь, пока ты передашь мне дела и уедешь спокойно. А потом твой Михаил сам меня уволит, уж поверь, – хмыкнула я, потирая руки и представляя, как отомщу тирану за Дахины слёзы.

По рассказам подружки, её босс представлялся мне приземистым, твердолобым типом лет под пятьдесят, с пивным животом и лысиной на макушке, в пиджаке и с галстуком. Тип в воображении умел злобно рычать и давать невыполнимые задания. Мурашки пробежали у меня по спине, но я вдохнула и выдохнула: нет уж, поиграем!

– Нет, Вика, я не могу принять такую жертву! Там же работать невыносимо! – сказала Даха.

– Ты же как-то вынесла.

– Чего только не вытерпишь ради денег! Мне надо было срочно выплатить кредиты, ведь во Франции я вряд ли буду работать. Маню хочет детей! Да и когда я начинала, Маню работал на полюсе, и мы всё равно могли встречаться только онлайн.

– А мне вообще не с кем встречаться, – подмигнула я Дахе с улыбкой. – Сейчас у взрослых учеников командировки, у детей – каникулы, а мои девчонки-фигуристки срочно-обморожно готовятся к соревнованиям. В общем, я и так считай в отпуске – преподавать целый месяц некому. Собиралась книжку активно писать. Будем считать, что я, как настоящий актёр и писатель, собираю материал для вдохновения.

– Как бы Михаил тебе его не перебил!

– У него не выйдет, – рассмеялась я. – После твоего отъезда я покажу себя так, что вряд ли проработаю больше месяца. Но зарплаты за этот месяц мне хватит, чтобы купить стиральную машинку.

– У тебя ж есть.

– Да моей двадцать лет, начала вещи портить. Я уже основное руками стираю.

– Не айс, – вздохнула Даха.

– Так что убьём трёх зайцев, – решительно сказала я, – спасём тебя, соберём материал по «властному герою» и купим мне новую стиралку.

– А вдруг он уволит тебя с выговором и занесением в личное дело?! По какой-нибудь статье?! Трудовую книжку на

всю жизнь испортит!

Я хмыкнула:

– Моим ученикам и читателям абсолютно всё равно, что написано в моей трудовой, а менять способ занятости я готова только на короткое время и только ради тебя, Солныш!

– Ох, Викуля, спасибо, – расчувствовалась Даха, – ты самый настоящий друг!

По моему сердцу разлилось тепло. А говорят, женской дружбы не бывает... Врут нагло! У нас – бывает!

И я мысленно показала воображаемому дядьке в пиджаке кулак: ну, погоди, я ещё покажу тебе, тиранушке недобитый, где раки зимуют!

Глава 2

Было непривычно идти на собеседование ненакрашенной и в обуви на низком каблуке. Но Даха сказала, что босс не терпит всех этих «расфуфыриваний» на работе. Для успеха операции требовался вид, приближённый к серой мыши: пучок на голове, удобные туфли, костюм и ноль косметики – что, по мнению биг-босса, обозначает настроенность кандидки на труд, а не на поиски жениха.

– На внешнем виде многие из соискательниц и прогорели, – наставляла меня весь вечер Даха. – Девиц в коротких юбках, с губищами и вечерним макияжем босс заворачивал с порога.

После этих слов в моём воображении укрепился образ брюзги с плешью из разряда бывших партийных функционеров. Заранее стало противно. Но я всё равно волновалась. Несмотря на то, что эта работа была мне не нужна, она одновременно была мне нужна, чтобы помочь Дахе. Жизнь полна парадоксов!

Впрочем, какой актёр не волнуется перед исполнением роли? А настоящий писатель, как и актёр, всё должен испытать на себе...

Компания «Инженерные системы» занимала несколько этажей в фешенебельном бизнес-центре, облицованном алыми панелями и чёрными затонированными стёклами. Всё, как положено: шесть серебристых лифтов, мраморная отделка, ламинированные панно на стенах с эротичным изображением насосов, труб и прочей мечты сантехника.

Даха уже ждала меня в приёмной, бесшумно сминая влажными ладонями какой-то документ. Мы договорились не признаваться, что дружим. И потому Даха лишь сверкнула надеждой в глазах, улыбнулась мне по-деловому и заглянула в распахнутую дверь:

– Михаил, пришла кандидатка на замещение вакансии ассистента, о которой я вам говорила. Виктория Иванова. Вы готовы её принять?

– Пусть войдёт, – послышался жёсткий мужской голос.

И несмотря на всю авантюристку затеи, по моей спине пробежал холодок. Я вошла в кабинет. Мужчина, сидевший за директорским столом поднял голову от бумаг, и я обомлела. Ох, если бы ему было за пятьдесят!

Передо мной сидел уверенный в себе тридцатилетний красавец в стильном сером костюме. Из-под чёрных бровей на меня смотрели яркие зелёные глаза. Модная короткая стрижка, тёмные каштановые волосы, немного щетины

на щеках, тоже очень модной на вид, прямой, я бы сказала интеллигентный, нос и упрямый подбородок. Плечи широкие. Кисти породистые. Крупные и явно дорогие часы на запястье. Идеальный галстук. Просто мужчина с обложки журнала Эсквайр! У меня в животе что-то ёкнуло. Или в сердце. И захотелось воскликнуть: а где же плешивый твердолобый предпенсионер?!

Чёрт, Даха могла предупредить! От несовпадения ожидания и реальности я растерялась.

– Здравствуйте, – дрогнувшим голосом сказала я, но тут же буквально вытащила свою уверенность за шиворот и вернула на место. Улыбнулась вежливо и сдержанно.

– Проходите, садитесь, – кивнул он.

А красавец-то плохо воспитан! При встрече с дамами полагается вставать. Хм... ладно.

Я села. С внимательностью удава он изучал меня несколько секунд, затем бросил:

– Я вас слушаю.

«За тебя, Даха!» – подумала я с тем же настроением, с каким бросались на амбразуры героини с лозунгом «За родину! За Сталина!», и начала рассказывать о своём опыте работы, который, кстати, был неплох. Одна российская компания, ещё в студенческие годы, – я переводила старичкам-французам на круизном лайнере, потом две иностранных. Да, я – секретарь и классный переводчик, а на деле и швец, и жнец, и на дуде игрец.

– Теперь то же самое на французском, – потребовал удав с зелёными глазами.

Кхм... Ну ладно. Я рассказала.

– О хобби на английском, – безэмоционально, как робот, приказал он.

Но на этот раз, кажется, слушал. И изучал. Я закончила говорить стандартное, что обычно хотят слышать работодатели – немного спорта, кино, книги. И нет-нет, я не собираюсь замуж. В декрет? Упаси, Боже...

– У вас в резюме полтора года перерыва, – спросил Михаил, – в чём дело?

– Я решила, что необходимо отдать должное диплому и всё-таки заняться тем, чему училась. За эти полтора года я перевела несколько книг для издательства Монд. По образованию я филолог.

– Что же теперь? – зелёные буравчики сканировали меня насквозь.

– Теперь я поняла, что мой долг перед университетскими знаниями выполнен и можно вернуться к прежней сфере деятельности, – спокойно ответила я, понимая, что нагло вру. Ради Дахи и её светлого будущего. – Полученного опыта достаточно. Как говорится, кто не испытал, тот не поймёт.

Михаил холодно усмехнулся. Кажется, ему цитата Оскара Уайльда показалась глупостью. Ладно, переключимся на более понятные термины.

– К тому же, – продолжила я сиротским тоном, – в моей

жизни серьёзно встал вопрос о деньгах. Я навела справки, уровень зарплат в вашей компании для меня более чем приемлем. И поэтому я готова трудиться. В том числе внеурочно.

Его глаза снова внимательно остановились на мне. Каменнолицый красавец нажал на кнопку:

– Дарья! Выдай кандидатке тестовые задания. Всё, как всегда. На время. Доложишь о выполнении. Сводные таблицы мне. И страницы презентации.

Глянул на меня нетерпеливо:

– Идите, выполняйте.

Я кивнула с улыбкой, а на самом деле во мне всё вскипело: действительно невыносимый! По-моему, все его знания об этикете ограничиваются завязыванием галстука. Очень хотелось сказать об этом вслух, но я сдержалась.

– Закройте за собой дверь, – понеслось вдогонку.

Похоже, улыбки на него не действуют. Я плотно закрыла дверь и закатила глаза перед сидящей, как на иголках, Дахой.

– Ну как? Ну что?

– Штирлиц. Тот, что выстрелил в упор, – ответила я, забирая из её рук служебный ноутбук. – Упор упал. А я пока держусь.

Даха глянула на мои туфли и округлила глаза в ужасе:

– Ты чего красные туфли напялила?!

– Так на низком же каблуке, – зашептала я в ответ, – других на низком у меня нет, все высокие. А ты чего не предуга-

предила, что он такой красивый и молодой?

– Красивый? – озадачилась Даха. – Не знаю, я его иначе как монстра не воспринимаю. Ты тоже через день забудешь про его внешность. И потом мне вообще блондины нравятся. Ещё не передумала?

– О нет, – во мне кипел азарт, – Приключение «здравствуй, тиран» только начинается!

Интересно, сколько я выдержу, и действует ли на подобные каменные изваяния моя харизма? Вопрос ценой в новую стиралку и Дахино счастье...

* * *

Я собралась тестироваться изо всех сил, но Даха достала из ящика распечатанные файлы и вставила в ноутбук флэш-ку. В ответ на мой изумлённый взгляд шепнула:

– Тут всё уже готово. Пусть задушится от счастья. Изучай, он спрашивать будет.

Из коридора в дверь постучали. Даха подошла с видом «я тут мимо пробежала» к стеллажу и взяла первую попавшуюся папку. В дверь заглянул здоровенный краснолицый мужчина.

– У себя? – он показал глазами на дверь.

– Да, но не принимает. У него собеседование.

– Хорошо-хорошо, я попозже, – здоровяк скрылся с выражением облегчения на лице.

Осеннее утро ласкало стены солнечными лучами, высокий тополь тянул к нему жёлтые листья и шелестел ими, прося ещё тепла. Но, кажется, в кабинет за директорской дверью солнце тоже заглядывало только со стуком и предпочитало прятаться, если там не принимали, как этот краснолицый вождь в костюме. Эх, во что я ввязываюсь?!

Пока я «выполняла» задания, несмотря на субботу, Даха успела пятнадцать раз ответить на звонки, отослать дюжину подчинённых, отнести боссу на подносе литровый французский чайник с десятком чайных пакетиков внутри и чашку.

– Он пьёт только из этой. Береги её пуще глаза.

Я кивнула. Ничего сложного в заданиях не было, кроме того, что в спокойном режиме я бы готовила их часа три, а уже через час Даха заявила:

– Всё! Иначе скажет, что ты слоупок.

Я сглотнула. В кабинет к удаву возвращаться не хотелось, но я встала, одёрнула пиджак и кивнула. Сцена ждёт.

– Объяви меня.

– На тебя вся страна смотрит, любимая, – шепнула мне в ухо подруга. – Даже две страны. И они твой подвиг не забудут!

– Угу.

А что, я б в Париж прокатилась с удовольствием. Всё как-то не складывалось пока.

Даха заглянула к шефу в кабинет и распахнула передо мной дверь.

– Прошу вас, Виктория.

Безупречно красивый удав повернул голову от компьютера и уставился на мои красные туфли. Кажется, что-то в его лице изменилось, словно ветерок пробежал. Но на мгновение, затем зеленоглазое изваяние снова стало непроницаемым. Чёрт, неужели я погорела из-за такого пустяка?!

– Садитесь, – приказал биг-босс и взглянул на протянутые ему Дахой «мои» тесты. – Дарья, свободна.

Михаил рассматривал придирчиво документы, а я в это время пыталась смотреть в сторону. Хотя взгляд всё равно притягивался к нему. Просто магнит на макушке.

«Почему такой внешне красивый человек такой холодный? Как будто все эмоции отключили и тумблер сломался? Или он с детства робот? Интересно, кем он мог быть в прошлой жизни?» – ни к месту подумалось мне. Внутренний голос ответил безапелляционно: «Гестаповец?». А я не согласилась: фашистские офицеры мне немного иначе представлялись, страшнее, что ли...

Сердце моё стучало, как бешеное, а руки порывались обхватить туловище, во-первых, чтобы закрыться от удава, во-вторых, потому что в кабинете и правда было очень холодно. Я обернулась на окна. Они были открыты. Ну да, чтобы не дай бог не потеплеть! Кажется, ледяному красавцу было в этом леднике комфортно.

Я поёжилась и с осознанием вины перед Дахой поняла, что в глубине души мечтаю, чтобы он нашёл ошибку в тестах

и прогнал меня прочь. И вдруг Михаил спросил:

– Почему вы не замужем?

Я чуть не поперхнулась воздухом, мыслями и мурашками, но тут же собралась и улыбнулась в ответ:

– Не сложилось.

– Почему?

Напряглась. Угу, сейчас так и начну рассказывать, что моя первая большая любовь после того, как мы начали жить вместе, внезапно понял, что «не может быть мне верным», и честно ушёл в загул. Или про то, что вторая любовь закончилась в кришнаитском монастыре где-то в США, – туда уехал мой второй мужчина, решив посвятить себя религии и служению. Или просто иммигрировать по удачному каналу, потому что «тут нет будущего». После каждого разрыва год с лишним уходил на то, чтобы прийти в себя. С третьим вообще ничего больше секса не сложилось, и тот не очень. Прочих я уже стала отсеивать по остаточному принципу. Иногда для разминки ходила на свидания, иногда друзья пытались меня с кем-то познакомить, но сердце молчало. А на меньшее, чем любовь, взаимную химию и головокружение от счастья я была не согласна. Всё остальное скучно.

Удаву я ответила довольно натянуто:

– Планка слишком высокая.

Он кивнул удовлетворённо и снова углубился в бумаги, словно спросил не о личной жизни, а о том, почему я использовала в таблице эту функцию, а не ту. Чувство такта – тоже

не его сильная сторона. Чурбан каменный!

Делать было нечего. Поэтому я решила рассматривать Михаила как потенциального персонажа моей книги. Я, кстати, всё чаще и чаще так смотрю на людей. Немного отстраняешься, отключаешь своё отношение к людям, просто наблюдаешь, и вдруг они становятся объёмными. За телом, лицом, одеждой вырисовывается история, переживания, тайные страхи и надежды. И тогда даже бомж, спящий на скамеечке остановочного комплекса, обретает шанс на то, чтобы о нём рассказали.

Михаил кратко ответил на звонок.

«Интересно, это у него образ или он правда такой – инвалид на чувства? А у него мама есть? А в постели с любовницей или женой он тоже, как каменный истукан?»

Предательское воображение предложило сидящего передо мной биг-босса без рубашки, почему-то в одних трусах. Придуманый торс был хорош, аж до мурашек... Тьфу! Да что ж это такое?! Чтобы не покраснеть, я мысленно пририсовала Михаилу вместо боксёров семейные трусы в ромашку и высокие чёрные носки, и сразу стало смешно. Потом спохватилась, мысленно отругала себя и потребовала у кого-то там внутри, не знаю, кто сегодня дежурит – разум, совесть или заледеневший желудок – призвать меня к порядку.

Михаил поднял глаза от документов в тот самый момент, когда разброд и шатания в моих мыслях удалось победить ответственности. Хотя смешинка ещё бродила где-то вокруг да

около. Мда, следовало сделать неутешительный вывод: я совершенно не подхожу на роль кролика. Даже для такого образцового удава! Авантюра точно не удастся, прости, Даха!

– Вы готовы работать при необходимости круглосуточно не выключать мобильный телефон? – спросил удав.

– Да.

– Это будет прописано в договоре. Послезавтра, в понедельник вы выходите на работу, – приказал Михаил. – Все организационные моменты к Дарье.

Я встала, не веря своим ушам: он меня берёт?!

– Вы свободны, – сообщило извятие. – Начало рабочего дня в компании в девять. Вы должны быть в офисе как минимум в половине девятого, чтобы подготовить мой кабинет к началу рабочего дня.

– Я поняла, – мой обалдевший тон вполне можно было списать на робость. – Благодарю вас.

Михаил не ответил и посмотрел на дверь. Ох, как мило! Мы экономим слова!

Я встала и пошла на выход. У самой двери обернулась и с удивлением обнаружила, что его взгляд снова прикован к моим туфлям. Кхм... Но Михаил тут же отвлёкся от созерцания туфель и жёстко проинформировал:

– Виктория, я не терплю опозданий. Категорически. Если вы опоздаете на три-пять минут, можете не выходить.

– Я буду вовремя, – заверила его я и с вдохновенной улыбкой верной подчинённой сказала: – До свидания!

А в ответ тишина. Михаил уже снова уставился на экран монитора. Конечно, а как я хотела? На «здравствуйте, пожалуйста и до свидания», видимо, расходуется слишком много энергии, которая жизненно нужна удаву. Для уничтожения невинных дев и тысяч белых, пушистых кроликов.

Глава 3

Наверное, настолько подробный инструктаж не оставляет и молодая мама заступающей на работу няне, как Даха мне про своего босса.

– Он не любит дерзких, короткие юбки, кофе, когда входят без стука. Не терпит опоздавших, личные разговоры во время рабочего дня, когда отпрашиваешься, когда болеешь – лучше, как в Японии, приходить в офис с красным носом и градусником, чихать на всех, громко сморкаться, но на рабочем месте. Яркий макияж – табу. Социальные сети в рабочее время тоже. Не дай бог, чтобы в офисе пахло едой, было жарко и чтобы ты ему перечила.

– Это всё? – спросила я, понимая, что мышьяк – это меньшее, чем хотелось бы угостить биг-босса.

– Нет. Ещё он не любит запах сигарет и комнатные растения. А, ещё зелёный чай не давай! Только чёрный и очень крепкий. И шоколадные конфеты. Только молочный шоколад, и только вечером, если был тяжёлый день. В смысле, много орал.

Я коснулась пальцем виска, имитируя выстрел.

– А за ушком ему чесать?

Даха моргнула.

– Зачем?

– Если был тяжёлый день, – хихикнула я, а потом опёрлась

ладонью о подбородок. – Даха, скажи честно, какого чёрта ты не уволилась через три дня после работы с этим товарищем?

– Я же говорила – деньги, – ответила Даха, деловито разглядывая мой гардероб и раскладывая одежду: направо – ни в коем случае, налево – подойдёт.

– Слушай, проще было заработать на боях без правил или в шоу мокрых маек.

Даха обернулась, обиженная.

– Тебе легко говорить! Квартиру бабушка оставила. Мама в жизнь не лезет, уехала себе в горы и только грибы с вареньем присылает! А мне даже комнату в коммуналке в кредит пришлось покупать.

Мне стало стыдно.

– Прости, Даха. Я просто с таким кхм... приличных слов нет... полтора года не продержалась бы! Ни за что!

– Знаешь, если бы у меня был выбор, я бы тоже не стала терпеть Михаила.

Я обняла подругу.

– Горжусь тобой. Ты просто самурай.

– А то! – гордо распрямила плечи Даха.

Я посмотрела на скучную кучку одежды слева. Из серии «нелюбимое и на похороны». Ну, неделю без ярких штрихов в нарядах я, пожалуй, проживу, но будет сложно. А без украшений как?! Ох, наверное, удав всё же женоненавистник.

– Слушай, Даха, а у Михаила жена есть?

– Нет.

– А любовница?

– Ходили слухи, что он с Полиной из маркетинга спит, но, мне кажется, она ему просто стучит на всех.

– Почему?

– Потому что на собрании он на неё так орал на прошлой неделе, и перед этим, что я бы ему больше никогда притронуться к себе не позволила.

Я хохотнула:

– А вдруг она любит пожёстче?

Даха закончила сортировать мою одежду и с полным удовлетворением села в кресло в углу.

– Всё может быть. Но я считаю, что Полина просто заискивает. Она мать-одиночка с ипотекой. Ей главное – остаться при работе. Обтечёт и улыбается. А с других готова зубами шкуру содрать. Потом, правда, тоже улыбается. А ты, Видуль, при виде этой стервы отутюженной, молчи. Потому что она любое слово может трактовать так, что обернётся против тебя.

– Да мне ж всё равно.

Даха вздохнула:

– Как я тебе завидую! Свобода – это так клёво! Ты такая вся у меня яркая, ламповая! Эх...

– Не завидуй, – улыбнулась я. – Ты тоже будешь свободной через неделю! Да ещё и с любимым! Во Франции, Солныш! Прикинь?! Ты же так мечтала! Я бы тоже хотела и в Париж, и влюбиться, но в кого?

– Снизь требования.

– Неа. И тут вовсе не в требованиях дело, а в чувствах. Я же не могу сказать себе: люби вон того Васю, он добрый, или Петю, у него фигура пловца и лицо открытое. – Я пожала плечами. – Если сердце молчит, то оно молчит. Даже аутотренинг не поможет. Так что езжай на родину Бастилии, а я останусь подрывать Бастилию в компании «Инженерные системы».

– У нас, кстати, юбилей компании через две недели. В принципе, всё уже готово, но скорее всего тебя погоняют с этим делом тоже.

– Ну и здорово! Не всё удаву чай носить. Люблю праздники!

Я решила переключиться на хорошее и стала расспрашивать подругу о Маню, о его доме и планах на свадьбу. Вот где настоящий праздник!

Когда-нибудь и моё сердце откроется кому-то навстречу, и он будет самый лучший, и случится со мной большая чистая любовь и обязательно счастливая – я в это верю! Ведь я работаю над собой...

Главное понятно, что в удава я точно не влюблюсь!

* * *

Одутловатые тучи и промозглый ветер, всё предвещало ненастье. Я глянула на унылый образ зализанной «почти

воблы» в зеркале. Скрип души стоял на весь коридор, но на что только не пойдёшь ради дружбы! Даже без красных туфель сегодня обошлась. Явилась дважды заранее. Дахи ещё не было, я закинула во френчпресс десять пакетиков чёрного и распахнула окна в кабинете Михаила.

В восемь-двадцать пять дверь в приёмную открылась. И я, как истинная мышь под прикрытием, робко поприветствовала биг-босса. Надо же, разругался, прям как человек... Меня этой юношеской симпатичностью не проведёшь. Михаил скользнул взглядом по моим туфлям и вдруг сдержанно кивнул. Да утро задалось!

Даха, запыхавшись, вбежала за шефом. Вот дурёха! Ей бы давно дверь в офис с пинка открывать. Сам бы уволил. Но комплекс отличницы, наложенный на воспитанный за время совместной работы постоянный комплекс вины, сделали своё чёрное дело. Не удивлюсь, если Даха и на свадьбе с Маню вдруг заволнуется, а принесли ли удаву поутру чай.

Всё закрутилось. Передача дел, звонки, требования шефа в тоне голодного льва, посетители, ведение протокола собрания, на котором все сидели, прижав уши, и по очереди докладывали о заключении договоров с проектировщиками, о тендерах, о госпоставках, о маркетинговых акциях и подготовке к юбилею. Удав слушал, созерцал и иногда показывал клыки.

– Кажется, всё идёт хорошо! – взволнованно шептала мне в уши Даха. – И шеф в хорошем настроении!

Пакет моих документов в отделе кадров приняли без придинок, подсунули тот же самый «типовой договор». Я подписала, не глядя. Бояться рабства было нечего, потому что даже надувному слонику понятно, что Трудовой кодекс тут и рядом не валялся. Если попробует удав применить ко мне свои пункты мелким шрифтом, будет разбираться с Трудовой инспекцией. Жаль, что у Дахи время поджигает, а то развели бы кровавую баталию против самодура, ещё б и денег выиграла в суде ей на приданое. Я сказала об этом подружке, но она жалобно посмотрела на меня и замахала руками: – Нет, не втягивай меня в это!

Брр... Честно, не понимаю её! Дотянула до цугундера. И судов боится. Хотя, с другой стороны, если б все были умными и правильными, Трудовая инспекция покрылась бы мхом и плесенью, а её грустные сотрудники умерли бы от голода. А если бы все вели здоровый образ жизни и не тратили бы нервных клеток, обиделись бы врачи и фармацевты. Если бы преступники раз и навсегда решили выращивать цветочки, медитировать и сажать капусту, полицейские бы ели бульон из-под яиц. А так все заняты, никому не скучно: одни косячат, другие исправляют, ловят, сажают... не капусту – жизнь бьёт ключом и вертится, как в «Ну, погоди!». Кто-нибудь кого-то обязательно съест! В детстве мне очень хотелось, чтобы однажды заяц из мультика съел волка. С горчичкой и солёным огурцом. Написать, что ли, сценарий про это?

Несмотря на суматоху и рабочий дурдом, я уже расслаби-

лась – всё шло вполне привычно. И вдруг Михаил выбежал из кабинета и швырнул перед Дахой бумагу.

– Что это?! – грозно рыкнул он.

– Ваша бронь, на семнадцатое, – ответила Даха, и я почувствовала, как она внутренне сжимается.

Удав навис над ней.

– Почему трансфер из аэропорта на одного человека?!

– Но я же... я ведь уже уволюсь к тому числу, – сглотнула Даха.

– Я что, сам себе переводить буду?!

– Но, – облизнула пересохшие губы подруга, – вы ведь можете с ними поговорить по-английски, и месье Одюльмер говорит...

– Дарья, ты в своём уме?! – зло сощурился удав. – Это ответственные переговоры! Речь идёт об инвестициях в наш завод и открытии совместного предприятия! Разве ты не понимаешь этого?! Французы – националисты, и если я заставлю их говорить по-английски, можно считать переговоры проваленными!

Глаза Дахи начали наполняться слезами, а мне отчаянно захотелось её защитить. Дерзость я проглотила, но взяла из дрожащих Дахиных пальцев распечатку брони и сказала:

– Так ведь у вас уже есть другой переводчик. Я подписала контракт сегодня. Шенген у меня открыт ещё на полгода. Разве я не должна все дела у Дарьи забрать? В том числе и это. Бронь на трансфер и прочее мы легко исправим.

Михаил сверкнул зелёными глазами.

– Вы, Виктория, ещё не стреляный воробей. Откуда я знаю, как вы переводите?

– Проверьте меня, – сказала я и внезапно заметила, что задрала подбородок и выпатила при этом грудь колесом.

Серая шерсть платья натянулась. Глаза удава скользнули вниз. И тут же вернулись обратно. О, да нам ничто мужское не чуждо?! Ну-ну.

– У меня не запланировано сейчас ни одной встречи для того, чтобы увидеть, как вы справляетесь с живым переводом, – бросил биг-босс.

– Кино поможет. Ставьте любое. Пригласите эксперта, к примеру, из языковой школы для проверки. Или из бюро переводов. Я знаю, что перевожу хорошо. В этом я уверена.

Михаил внимательно посмотрел на меня, словно обнаружил вдруг то, что не уловил раньше. Даха напряжённо застыла. Ой, а я не перегнула палку с уверенностью? Он молчал, поджав губы, затем кивнул:

– Ладно. Я устрою вам проверку, Виктория. Но выбор эксперта за мной. Вы ещё не заслужили моего доверия.

Он так посмотрел, что моя гордость ощутилась весьма отчётливо – её зацепило где-то под правой грудью. Или это печень шалит от невозможности выплеснуть гневное «плевать», «велика птица» и «не больно-то хотелось»?

– Я сообщу вам о времени экзамена. А затем ты, Дарья, исправишь бронь.

Кажется, он был уверен, что я провалюсь. Ах, затейник... Спокойно, печень, спокойно. А то за эту неделю многократно уязвлённая гордость закончится циррозом.

Когда Михаил скрылся в своём леднике-кабинете, Даха, наконец, обрела способность моргать.

– Ты чего? Ты зачем?! Я же говорила, что он не любит дерзких...

– Всё нормально, – буркнула я. – *À la guerre comme à la guerre*¹.

* * *

В полночь меня разбудил непривычный ещё звонок служебного телефона. Я подскочила на кровати, сбросила случайно телефон с тумбочки, нагнулась, чтобы поднять этого вибрирующе-орущего монстра, и съехала на пол.

– А?! Что?! Я слушаю... – борясь со сном и быющим от внезапности сердцем, пробормотала я в трубку.

Стальной голос Михаила произнёс:

– Виктория, у вашего дома стоит служебная машина. Серый Форд с номерами 089. Приезжайте в офис, мы с экспертом ждём вас.

– Сейчас?!

– Немедленно.

¹ На войне, как на войне – фр. поговорка

Ещё не проснувшись толком, я забыла о необходимости брать вещи только из кучи «мышинного». Пытаясь продрать глаза, натянула всё немнущееся: узкие джинсы, водолазку, бархатный пиджак. Брызнула на лицо холодной воды. Вряд ли помогло. Чесанула взлохмаченные волосы. И в коридоре встала в первые попавшиеся туфли. Двенадцать ночи на дворе! Изверг! Гад яйцеголовый! Надеюсь, ему икается до потери пульса!

Позёвывающий водитель домчал меня по пустому городу быстро. Охранник не удивился, но тоже зевнул. Мои каблуки звонко цокали по мраморным плитам пустого, завязшего в тишине холла.

Стоп, – сказала я себе, – каблуки?!

Глянула на ноги. Похолодела. Мда, спросонья что только не случается: туфли были не только красными, но ещё и на шпильках – эдакие слегка не дозревшие лабутены. Чтоб меня! Подсознание устраивает провокации, чтобы удав передумал?! Прости, Даха! Но делать было уже нечего, до меня доносились мужские голоса из раскрытой двери приёмной. Я вспомнила слова Ричарда Гира из интервью про свои танцы в кино: «Я на самом деле плохой танцор, но актёр я хороший. Я просто притворился, что хорошо танцую». Ладно, будем учиться у лучших – притворюсь, что каблуки маленькие. Вдруг удав не заметит?

Заметил. Всё заметил. Снова его взгляд прилип к красным вызывающим туфлям, затем медленно пополз вверх,

остановился на лице.

– Вы заставили себя ждать.

– Простите, обычно я в это время сплю, – проговорила я, замечая в углу в кресле сухонького пожилого мужчину.

Тот вежливо поздоровался и представился как Филипп Леонович Кюи. Я заволновалась, понимая, что передо мной сидит автор знаменитой методики, которую мы в университете изучали. Стало не по себе.

Михаил это заметил и усмехнулся. Повернул ноутбук экраном ко мне и нажал на «пробел».

– Начинаем.

– Бамбарбия кергуду, – сказал на экране Юрий Никулин в фильме «Кавказская пленница».

– Un jeu de mots ludique², – собралась я.

– «Если Вы не согласитесь, они Вас зарежут», – шутливо перевёл Шурику герой Фрунзика Мкартычана.

Удав вдруг улыбнулся. Я чуть не зависла от удивления, но перевела. И тут же на экране – новая сценка – из «Чародеев». Потом из «Служебного романа», из «Операции Ы», «Экипажа» про лётчиков. Сценки Михаил менял быстро, не давая мне привыкнуть к той или иной лексике. На «Афоне» я чуть не погорела – словарь сантехников не был моей сильной стороной, правда, сбилась я не потому. Просто удав рассмеялся вслед за профессором Кюи. И у меня случился разрыв шаблона – Даха говорила, что биг-босс никогда не сме-

² Шутливая игра слов

ётся. Я даже на мгновение забыла, что он удав, потому что в такой естественной эмоции Михаил выглядел ещё более привлекательным. Потом пошли фильмы французские – новые, старые, у меня аж в мозгу защёлкало. И, наконец, профессор сказал:

– Ну полноте, Михаил Валерьевич! Вы действительно нашли себе прекрасного переводчика. Категорически это подтверждаю. Не только слова доносит, но и эмоции.

Удав кивнул и, теряя всю свою сиюминутную человечность, заявил:

– Эмоции никого не интересуют. Ошибок много, Филипп Леонович?

– Пара лексических и один сюбжонктив³. Я бы сказал, что Виктория идеально справилась.

Михаил смерил меня взглядом с ног до головы и процедил:

– Нет, до идеала ей ещё далеко.

Я вспыхнула, понимая, что только мгновение удерживает меня от запуска степлером ему в голову. А шеф снова остановил взгляд на туфлях. Потом как ни в чём ни бывало поднял глаза:

– Мой ассистент и личный переводчик, Виктория, должен не только дважды-два переводить, но выглядеть соответствующе деловому характеру встречи. В любой момент

³ Сослагательное наклонение. Употребление **Subjonctif** выражает личное отношение говорящего к сказанному

времени. А это... – он поджал критически губы, глянув на брошь в виде красной птицы на лацкане моего пиджака, – это вопиющий кэжуал⁴. Если вы действительно хотите работать со мной и поехать в Париж, вы должны более тщательно, – стальной голос прозвучал так громко и жёстко, что им можно было сливочное масло ломтями нарезать и на бутерброд накладывать. – Вы обязаны гораздо более тщательно подходить к своему гардеробу. Больше я об этом напоминать вам не стану.

«Угу, в Париж поеду только в мешке с прорезями для глаз», – мысленно пообещала я, а вслух сказала, опустив ресницы:

– Да, вы правы, Михаил, я буду более аккуратна в дальнейшем.

Часы показывали половину третьего ночи. Положа руку на сердце, сейчас я бы пообещала ему что угодно, лишь бы отправиться спать.

– Водитель отвезёт вас домой, – сказал биг-босс. – Но помните: в восемь тридцать начинается ваш рабочий день. Я не терплю опозданий.

Садюга!

Лишь поднимаясь по лестнице на свой третий этаж, я вдруг осознала как реальность, а не как похожее на сон приключение со спасением Дахи от тирана, по которому плачет Трудовой кодекс: да ведь Михаил говорил мне о Пари-

⁴ Casual – неформальный стиль одежды

же! Он на самом деле не отрицает возможности того, что я поеду с ним во Францию! При мысли о стране моих детских грёз, трёх мушкетёров, Анжелики, элегантности, милых булочных и крошечных кондитерских с круглыми столиками на Монмартре, с белой Базиликой Сакре Кёр, с Эйфелевой башней, Елисейскими полями и Рождественскими ярмарками, во мне всё загорелось, словно кто-то внезапно зажёл огоньки на ёлке! Ах, Франция... Как я к тебе хочу! Но, Боже, я совершенно не готова ехать туда в трауре по моде и всем прочим оттенкам, кроме серого! Обо всех оттенках серого и связанных с этим доминантных играх уже сказано слишком много. В том числе лишнего.

* * *

Неделя выдалась тяжёлой. Во вторник мне хотелось спать. А когда я невыспавшаяся, у меня болит голова и хочется кого-нибудь убить. Не повезло двум карандашам. Даха делала большие, виноватые глаза и, пока никто не видел, подсовывала мне шоколадки из резерва Михаила. Но при этом я не допустила ни одного «косяка» и внешне сохраняла выдержку. К среде я поняла, что эмоции в жизни удава переключаются, как у биоробота, в зависимости от ситуации и усталости. На выбор: «сталелитейный пресс», «паровой каток» и «разгоню всех к чертям, дебилы!» В ассортименте этого античеловеколюба ещё были «уроды, недоумки, немощные,

кретины, идиоты», но ни одного матерного слова. Весь мат зрел в душе сотрудников и обильно изливался в курилке, в столовой и после работы. Я – не исключение, хотя в целом к общенной лексике отношусь не очень.

В этот день удав беззастенчиво уволил менеджера из Краснодара, кстати, отца троих детей, узнав, что тот написал инвесторам в Москву на него жалобу. Я слышала, как Михаил увольнял его по телефону с холодным: «Надо уметь работать. Жаловаться все умеют». К нам с Дахой в столовой присоединились ахающие девочки из отдела кадров. В маркетинге, оказывается, удав тоже выжил специалиста. За регулярные опоздания. Никакие уговоры и хорошие показатели на службе не помогли. Зато вроде бы Полина приложила руку с интригами.

– Вот как надо было, – шепнула я Дахе. – Опаздывать, жаловаться, тут такой размах для увольнения, а ты?!

Она в ответ лишь блым-блым глазами. И куда её боевой студенческий запал делся?! Удав загипнотизировал?! Эх... Ликёра дома в графинчике поубавилось, настроения у меня тоже. Кот как антистрессовая подушка был затискан до полусмерти, канарейка притихла. Бугенвиллия на окне, которую я забывала полить два дня кряду, поникла и уронила так долго ожидаемый мной розовый бутон. Так мне, фальшивой мыши, и надо!

В четверг вечером после выговора всем задействованным в организации корпоратива, я сцепила зубы и держалась с

ещё большим трудом. Потом, в такси, после задержки до двадцати двух ноль-ноль в офисе из-за срочно понадобившегося перевода главы французской книги о бизнесе, я осознала, что размах мести графа Монте-Кристо по мне будет маловат и новой стиралки не хватит, чтобы окупить мои недельные страдания.

Даже если Даха улетит в субботу к Маню без помех, что уже вызывало сомнения, я заработаю на Михаиле в ближайшем будущем состояние. О да, у меня на руках моя часть трудового договора, и по нему плачет суд! Мне снился судья с молоточком, трудовая инспекция, налоговая и комиссия по правам человека из ООН, таскающие по очереди Михаила за шкурку и вытряхивающие из него пачки евро, долларов и рублей – всё ради меня. А суровый полицейский, толкающий удава передо мной на колени, требовал, чтобы тот извинился за ор и моё пострадавшее вместе со всеми достоинство.

Утром в пятницу я почувствовала себя старой тележкой и еле заставила своё Я натянуть тёмно-коричневый пиджак и юбку с учительской блузкой. Глядя в зеркале на зализанность и пучок волос, я поджала губы: как бы не вжиться в роль так, чтобы потом из неё не «выжиться». За неделю – ни строчки. Вдохновение даже до плинтуса не дотягивает, усталость, как после разгрузки угля. Похоже, этот сбор «матчасти» выйдет мне боком. В висках заныло: хоть бы не зря всё это!

Зеленоглазый удав почти всю пятницу вёл себя так, словно никто никуда не уходит. Робкий Дахин вопрос о подписи заявления проигнорировал. Кажется, ему нравилось, что теперь не одна, а две стройных блондинки встречают его в приёмной, хлопают ресницами, берут под козырёк при каждом его «надо было ещё вчера» и лезут из кожи вон, чтобы угодить. Даха могла бы уже и порасслабленнее лезть, но «горбатого могила исправит». Она старалась по привычке, потом страдала мне на ухо.

И, наконец, когда Михаил вышел из своего ледника на поздний обед, почти ужин, моё терпение лопнуло. Я заявила своей подруге-тетёхе:

– Всё. Хватит! Ты улетаешь завтра и точка. Даже если придётся выкрасть загранпаспорт из сейфа или сам сейф из офиса. Я на пинках тебя отсюда отправлю.

– Может, он сам всё-таки?.. – Даха сжала в руках приложение к договору с рекламным агентством.

Я показала ей кулак и решительно ворвалась в кабинет биг-босса. Подошла к сейфу и всмотрелась, пытаюсь увидеть хоть какие-нибудь признаки выбранных клавиш. Чувствуя себя мисс Бонд и Матой Хари в одном флаконе, с замирающим сердцем я попробовала комбинацию из даты рождения удава, номера машины и цифр из его адреса. Тщетно. Теле-

фонный номер? Нет. Домашний? Чёрт, снова нет.

«Думай, Вика, думай!»

Что-то толкнуло меня достать салфетку из тубы, чтобы на всякий случай протереть кнопочки на сейфе. В этот момент я услышала уверенный шаг Михаила в приёмной. И сбивчивый, но громкий вопрос Дахи:

– Почему вы так быстро вернулись? Вас Элла Борисовна просила заглянуть в бухгалтерию. Что-то срочное.

Меня пробило холодным потом, и я с салфеткой в руках метнулась к директорскому столу.

В мозгу мелькнуло с досадой: комедия, чёрт её побери! Дурная комедия, и я в главной роли... Дожилась. Удав вошёл в кабинет через секунду, и мне ничего не оставалось, как сделать вид, что я усердно протираю экран его ноутбука.

– Простите, я заметила, что тут пыль, – пролепетала я.

Михаил остановился рядом и, на удивление, ничего не сказал. Я тёрла дисплей, который действительно оказался не только пыльным, но и залапанным. И вдруг почувствовала напряжение в воздухе. Я оглянулась. Михаил смотрел на меня как-то... странно. Воздух застрял у меня в горле.

– Уже всё, теперь чисто, – выдавила я из себя и поспешила ретироваться.

– Спасибо, – вдруг раздалось мне в спину.

Первое за неделю. Хм...

Когда я выходила, удав приказал:

– Пригласите Дарью, Виктория. Я вызову вас через три

минуты.

Моё сердце забилося в волнении. Что-то было не то. Может, у него видеонаблюдение, и он засёк мои жалкие шпионские попытки? Я застыла в колком ожидании почти у двери. Большие часы с белым циферблатом хладнокровно взирали на меня, колотя по нервам секундной стрелкой. Ровно три минуты прошло, и меня чуть не сбила с ног Даха, бледная, с вытаращенными глазами. В дрожащих руках загранпаспорт и подписанное заявление.

– Он... да. Ты иди, – шепнула она мне с таким видом, словно приглашала в газовую камеру.

И я шагнула. Час, ещё час под прикрытием, – твердила я себе, а хотелось уже сейчас устроить шоу!

Удав посмотрел на меня почти добро. По крайней мере, его красивое лицо выражало новый оттенок серого. Ну, как если бы на алюминий вдруг слегка упало солнце, но быстро спряталось.

– Подойдите, Виктория.

Я встала перед столом удава, чувствуя себя почти так же, как школьный хулиган, поджегший все мусорные вёдра в туалете и тем самым сорвавший контрольную по физике: то есть довольная, но вынужденная делать вид «я в это время старушке швабру подносил».

– Я никогда бы не взял вас, Виктория, после одной недели испытательного срока. Но обстоятельства вынуждают. И я вижу, что вы готовы стараться. Считайте, я дал вам шанс.

Он взглянул на меня так, будто ожидал, что я брошусь целовать ему руку со слезами благодарности и воплем: «Ах ты ж, батюшка-благодетель, отец-кормилец, благодарствуем сердечно!» Но я сдержанно кивнула:

– Спасибо. А Дарья?

– Сегодня её последний день работы. Далее вы сами по себе – никакой помощи от опытного сотрудника и подсказок. Дарья уезжает.

– Ясно.

Кажется, ему было мало скупых слов. А что, мне тоже знаком режим работа... Хотя очень хотелось повизжать и разгуляться.

– Это не пугает вас? – спросил Михаил. – Вы всё так же уверены, что справитесь?

– Не пугает. Я могу идти?

– Да. Презентация по новому продукту на французском должна быть готова к утру понедельника.

– Хорошо.

– Ещё чаю принесите.

Я кивнула и вышла. Дахи не было в приёмной, наверняка помчалась за расчётом в бухгалтерию. За окном стемнело как-то мгновенно. Я включила свет и осмотрелась. Что ж, первая часть Марлезонского балета удалась! Я стянула резинку с волос и встряхнула головой, чувствуя с удовольствием, как рассыпаются пряди по плечам. Свобода близка! И моя тоже. Михаил вышел из кабинета и с удивлением взгля-

нул на меня. А я притворилась, что усиленно читаю почту. Он постоял пару секунд, словно хотел что-то сказать, но не произнёс ни слова и ушёл. К Элле Борисовне, видать, отец-кормилец. Мышь во мне сдохла в муках и рассыпалась в прах, а я позволила себе коварную улыбку в спину Михаилу: «Понедельник, о, как я удивлю тебя в понедельник, зеленоглазый удав!»

Глава 4

В ту же пятницу, вечером, ещё не верящая в свою свободу Даха устроила девичник. Я, Ниночка-косметолог, Маришка и Катюня собрались в её потрясающей коммуналке с пятиметровыми потолками, наполовину собранными чемоданами по углам, арочными окнами и осенью, спрятанной за шторами. На ковёр из Икеи была наброшена скатерть, на ней, будто на самобранке, быстро появился поднос с фруктами, цветные одноразовые тарелки, коробка с пирожными из «Итальянского квартала» и заказанная ароматная пицца. Хлопнула о дверной косяк пробка из-под шампанского, потянулся дымок из горлышка и пенная хмель с мускатным запахом выплеснулась в бокалы. С нашим дружным визгом начался пикник на ковре и раздача слонов.

– Девочки, Вика... у меня нет слов, что Вика для меня сделала! – чуть не плача, сказала Даха, поднявшись на колени на толстом ворсе. Бокал в её пальцах дрожал. – За дружбу! За всё! Вика, ты лучшая!

Я кивнула и подняла бокал:

– За тебя, Даха! За твоё счастье! А Маню передай, что он мне должен. За укрощение удава.

Звон бокалов, общее хихиканье – как же я люблю наши посиделки! Без Дахи всё будет уже не то.

– Надеюсь, удав тебя не проглотит, – вставила пухленькая

Маришка, которая была в курсе всех Дахиных злоключений.

– Подавится. И гипнозу я не поддаюсь, – залихватски ответила я.

– Если что, мы тебе поможем, – вставила наша милаха Катюня, которой, несмотря на её тридцать, двое детей и мужа в сто килограмм, до сих пор спиртное в магазинах без паспорта не продают. Я сама, глядя на её веснушки, рыжие реснички и каштановые с охряным отливом кудряшки, забывала, что Катюня старше нас всех. Она была просто создана для обнимашек.

– Да-да, ты мне отдельную инструкцию напиши, – сказала я, пригубив шампанское. – Арамчик тебя на руках носит, а на улице самого встретишь – тучка тёмная, грозовая, не влезай, убьёт. Как ты умудрилась его перевоспитать?

– Он просто не знал, что можно иначе, – рассмеялась Катюня. – Но ведь ты замуж за удава не собираешься?

– Упаси Боже! – ахнула я.

А Даха поперхнулась шампанским и закашлялась так, что пришлось в четыре руки ей по спине бить.

– Ты в понедельник принесёшь ему заявление об увольнении? – спросила Ниночка.

– Нет, – покачала я головой. – Он приказ о завершении испытательного срока уже отдал в кадры. Так что придётся отрабатывать после заявления две недели. А, чтобы купить Аристон, который я подобрала, ещё недельку надо поволынить – до полной зарплаты.

– Выдержишь? – спросила Маришка.

– Я-то да, а вот он – не факт! Но тогда я буду ещё довольнее – моральное удовлетворение тоже денег стоит.

– Ты там поосторожнее с Михаилом, он ужас какой, – вздохнула Даха и обняла меня. – Так жалко, что тебя не будет на свадьбе! И вас всех, девчонки!

– Главное, что сама свадьба будет! – радостно воскликнула я, притворяясь, что мне не грустно отпускать в чужую страну лучшую подругу.

– А я вам всем подарочки припасла, – сказала Даха и принялась раздавать подарки.

* * *

В субботу утром мы все, без Катюни правда, провожали нашу невесту. В аэропорту – слёзы, объятия, пожелания и обещания, оборачивание чемоданов скотчем, потеря ключей и мобильных телефонов, их счастливое обнаружение на входе у охранников. В общем, всё было, как положено. Затем Даху унёс в небеса боинг, а меня домчал до дома троллейбус. Серыми, дымчатыми руками затягивала в свои объятия грусть, зазывно подплакивала над плечом депрессия, и мамила на диван накотившая усталость, но было не до них – меня ждал перевод презентации на французский и план доведения удава до цугундера.

Я запихнула отобранные Дахой вещи подальше в шкаф,

с глаз долой, погладила любимые цветастые шарфики, подмигнула коротким «запрещённым» юбочкам, а затем развернула на туалетном столике настоящий арсенал: тушь для увеличения объёма, тени в коробочках, кисточки, патронташ губных помад, консилеры, пудру, румяна... Раскрыла внушительную шкатулку с украшениями, приложила к ушам любимые серьги с кристаллами Сваровски и коварно улыбнулась зеркалу: да-да, у мальчиков своё оружие, а у нас, женщин, своё. Не менее опасное.

В воскресенье я прошла арт-подготовку: маникюр-педикюр, «жидкий шёлк» на волосы, бровки подправила и отдала лицо в волшебные ручки Ниночки – какая война без массажа и освежающей маски на лицо?!

И вот настал он, первый рабочий день недели. Невыспавшиеся пассажиры автобуса, поклонники мемов про ужасы понедельника, явно не понимали моей сияющей улыбки и приподнятого настроения, впрочем удачно скрывающего лёгкий мандраж перед встречей с удавом. Когда я выходила из дома, подумалось, что, пожалуй, настолько тщательно я не готовилась ни к одному свиданию. Впрочем, в деловых вопросах я всегда была более ответственной.

Я распустила волосы, потрудившись над укладкой, почти час провела за макияжем, надела белое шерстяное платье, очень мини, с красным пояском и очаровательными кармашками, алым шарфиком под цвет маникюра, на указательный палец – перстень с крупным гранатом, серёжки в виде кро-

шечных эйфелевых башенок. Сапожки, как положено, были красными. Ярко-синее пальто. И всё. Где та мышь? Её кончину подтверждали заинтересованные взгляды мужчин и притормаживающие авто по пути от остановки до офиса. Может, дело было не только в изящном шве на колготках, но и в моей походке? А, может, просто мужчинам в понедельник с утра требовалось глотнуть боевого задора, хотя бы нажав на клаксон?

Было рано, но те немногие, кто пришёл в офис загодя, опасаясь пробок, посторонились, пропуская меня первой к турникету. Часы показывали восемь. Охранник посмотрел на меня восхищённо. Я улыбнулась ему и пошла к лифтам. Меня догнал симпатичный высокий молодой мужчина, блестяще лысый, но из тех, кому лысина не только идёт, а придаёт мачистости. Владелец лысины и стильного чёрного пальто одарил меня страшно обаятельной улыбкой и подмигнул:

- На работу, как на праздник?
- Всегда, – ответила я, просияв.
- Такой ценный кадр надо переманить.

Я предпочла промолчать, таинственно улыбаясь. Незнакомец глянул на светящуюся кнопку лифта и сказал:

- «Инженерные системы»?
- Да, – не знаю, почему, но при виде чёрных смеющихся глаз лысого мачо улыбка у меня получалась сама собой.
- Неужели такая красавица – инженер?! – спросил он, стягивая тонкие кожаные перчатки.

– Переводчик, – рассмеялась я. – Могу вам рассказать всё на французском о трубах и насосах, но понятия не имею, как они выглядят.

– Зачем вам трубы и насосы? – хмыкнул незнакомец.

– Исключительно из вредности, – честно призналась я.

Под наш хохот дверцы лифта с тихим звоном разъехались, и я ступила в холл компании «Инженерные системы» с тем же чувством, с каким идёт на ринг боксёр, скидывая на ходу атласный халат и поигрывая кулаками в перчатках.

Звонок мобильного застал меня на пороге в приёмную.

– Виктория, – как всегда ровно сказал Михаил, – я уехал в Москву. Но собрание не отменяется. Всем начальникам отделов быть в моём кабинете ровно в девять. Настройте видеосвязь на большом экране.

– Хорошо.

Разочарование захлестнуло меня с головой. Вот что называется: ожидание и реальность! Я тут ему сюрприз, а он – фьють, и в Москву. И надо же, сам билет купил, обалдеть можно! Я поставила чайник и задумчиво встала над ним, слушая, как тот просыпается и шумит. Со всеми этими макиажами даже кофе не успела с утра выпить. В кабинет заглянула Полина из маркетинга, раскрыла рот, да так и забыла его закрыть. Я заметила, что она одета скучно, до зубного скрежета. И вроде была она внешне привлекательная, но какая-то ненастоящая, будто намазали лицо чем-то резиновым, а смыть забыли. Следом сразу подумалось, что Юля из

маркетинга, которую выжили, была модной красоткой. Видимо, серость тут – панацея для выживания. Ну, зато панно на стенах очень красивые. Синенькие.

– Доброе утро, Полина, ты чего-то хотела? – спросила я.

– Да... То есть, нет. А Михаил уже пришёл?

– Нет, он улетел в Москву.

Полина изобразила улыбку:

– Ах, тогда ясно! Кот из дома, мыши в пляс?

– Где мыши, какие мыши? – удивилась я. – Не знаю. У нас мышей нет, всех вывели.

Она скрылась. Через пять минут появилась в дверях Ольга Петрова, начальник отдела по обслуживанию клиентов.

– Михаил уехал, собрания не будет? – спросила она, разглядывая меня поражённо.

– Будет. По видеосвязи.

Следующими на очереди была бухгалтерия, затем девочки из кадров. Они хоть притворяться не стали, что просто пришли на меня посмотреть.

– Ты выглядишь сегодня потрясающе, Вика! Но Михаил не одобрит.

– Красота требует жертв, – ответила я со вздохом.

К девяти утра я убедилась, что эффект неожиданности был потрясающим по величине и размаху. Жаль только не для того, кому предназначался. Если только Полина по телефону не настучит, но это не то...

Начальники отделов заняли свои места вокруг овального

стола переговоров в просторном кабинете Михаила, поглядывая на меня непонимающе. Я включила большой экран на стене с пульта, и через пару секунд мы узрели пунктуального удава. Вот если бы ему настроить режим «чувства вкл.», такой бы красавец получился! А так – железака железякой.

Он начал:

– Прежде чем вы начнёте отчитываться о результатах недели, я хочу, чтобы Виктория зачитала вам письмо от французских партнёров. Оно лежит на столе, Викто... – Я встала за письмом, а биг-босс запнулся.

В кабинете стало тихо. Можно было бы услышать, как муха пролетит, если б ей занеможилось проснуться. Но та спала, и слышен был лишь забитый насморком нос Сергея Николаевича. Михаил ещё молчал.

И я почувствовала в груди радостные попрыгушки. Пытаясь не улыбаться, взяла распечатанное письмо и обернулась к экрану. На увеличенном на экране лице удава прекрасно читалось: «Ты кто такая? Где моя мышь?!» Я кивнула Михаилу и, не садясь, начала читать, переводя с листа:

– Уважаемые партнёры, благодарим вас за предложение и сотрудничество...

Где-то на третьей фразе Михаил кашлянул. Я взглянула на него и продолжила переводить. Затем села. Он уже взял себя в руки и повёл собрание в стиле парового катка. Но едва начальники, получив регулярную порцию пинков, разошлись, Михаил позвонил мне на мобильный.

– В чём дело, Виктория? – жёстко спросил он.

– Что вы имеете в виду? – улыбнулась я стенке с изображением передового насоса, на котором скоро можно будет в космос летать.

– Ваш вид. Почему вы так одеты?! – прорычал он.

– Просто настроение хорошее, – ответила я абсолютно искренне.

– Но...

– А до этого было плохое.

– Вы пришли на работу, а не в клуб развлекаться! – рявкнул Михаил.

Чувствуя себя издевательски спокойной, я ответила:

– Разве у вас есть претензии к моей работе сегодня? Перевод презентации я вам выслала, собрание организовала. Жду ваших следующих распоряжений.

– Вы, Виктория, мой ассистент, и вы должны выглядеть...

– Извините, Михаил, это не прописано в моём трудовом договоре.

– Значит, будет прописано! – рыкнул он и отключился.

Я положила на стол служебный смартфон и подумала, что надо на футляр наклеить кошку Китти и клавиатуру розовую заказать при следующей закупке канцелярии. Добивать, так добивать. Представила гнев Михаила, не удержалась и прыснула. Вспомнилось из Онегина: «*Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага*». Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Он знал!

Вторник прошёл чудесно, если не считать рычания Михаила по телефону. По поводу и без. Кажется, одна необходимость слышать мой улыбающийся голос его бесила. Но звонил он часто. Видимо, чувствовал, что я заказала ему в офисе три пальмы и кактус. Чесались руки поставить на директорский стол к позолоченному письменному набору карандашницу с удавом из мультика «38 попугаев». Решила, перебор. На вопрос, подобающе ли я сегодня одета, я сказала:

– О да, я одета. А вы не замёрзли в Москве? Мне подруга вконтакте написала, что у вас там мороз!

– Соцсети в рабочее время использовать запрещено! – проскрежетал удав.

– Да вы не волнуйтесь, я с личного телефона, – мило улыбнулась я насосу на стенке, думая, что он гораздо сексуальнее железяки на том конце мобильной связи, насос хоть дизайнер очень призывно изобразил, а удаву харизмы явно не хватает.

Интересно, что как только ничего более не было поставлено на кон, ведь Даха написала смску, что она с Маню и счастлива, ледяной тон удава и даже его рычание совершенно перестали на меня действовать. Не обижаемся же мы на тигра в зоопарке, если он на нас рычит. Это он, бедняга, в клетке, а мы на свободе.

«Забавно, – заключила я, – стоит выключить «уровень важности» в собственной голове, и проблемы как не бывало!» Это открытие мне чрезвычайно понравилось. Но удаву о нём было неизвестно, поэтому громоподобное бур-бур я перебила нежным:

– Я за вас переживала, Михаил! Ведь всяким Яндексам нельзя доверять. Вы правда не замёрзли?!

– Не замёрз, – буркнул удав. – Но соцсети...

– Только если что-то внезапное, – ответила я, моргнув насосу, – к примеру, ваш самолёт взорвётся или на офис наших инвесторов упадёт метеорит.

Секунду Михаил молчал, видимо рассчитывая коэффициент вероятности падения себе на голову камня из космоса, потом бросил:

– Я жду отчёт по тендерам. И займитесь, наконец, проверкой выступлений на корпоративе. У нас будут важные гости. А соцсети всё равно запрещены.

Удав отключился. А я показала насосу кулак: 2: 0 – знай наших!

* * *

Ресторан, в котором наше руководство решило проводить юбилей компании, назывался «Парнас». Но с таким же успехом его можно было назвать «Пафос»: везде позолота, лиловый бархат, запредельная помпезность и такая же стоимость.

– Нас французы на смех поднимут, если приедут, – сказала я Алисе из промо, на хрупкие плечи которой легло всё бремя организации.

– Французы не приедут, зато приедет главный инвестор из Москвы, кто-то из министерства тяжёлой промышленности и прочие шишки.

– А кто у нас главный инвестор? – поинтересовалась я.

– Валерий Иванович Бургасов, банкир и владелец ещё десятка заводов в России.

– Погоди, не тот олигарх, у которого футбольный клуб? – удивилась я.

– Тот-тот. Вот он, кстати, и любит всё такое, – показала на бархатные кресла Алиса. – Сколько раз он приезжал, всегда Михаил что-то подобное требовал.

– Заискивает, значит, – хмыкнула я.

– По-моему, хуже – боится, – заметила Алиса.

Вспомнив стальное лицо удава, я сильнее изумилась: кажется, такие не боятся ничего и никогда. И считают, что мир вертится вокруг них. Неужели не так?

* * *

Приятным во вторник было и то, что внезапно в наш офис нагрянул тот самый восхитительно-лысый незнакомец из лифта. Осведомился, когда вернётся биг-босс и присел без приглашения.

– Вы что-то ещё хотели? – любезно спросила я.

– Хотел было попросить у вас кофе, – улыбнулся он, – но решил, что лучше я угощу вас кофе сам.

– Настолько не верите в мои способности? Я прекрасно справляюсь с нажатием пальца на кнопку кофеварки. Остальное она делает сама, умный зверь.

В этот момент заглянула Полина, зыркнула и скрылась за дверью. Мне уже правда кажется, что она шпионит. Скоро предложу ей радионяню, чтобы не бегала по коридору туда-сюда, туда-сюда – подошвы сотрёт. Платье у меня всё равно короткое, хоть сегодня яркий электрик с жёлтыми ромбами по центру. Пусть привыкает.

– Наверное, кофеварка работает на ваших насосах? – рассмеялся незнакомец.

– Возможно.

– Тогда уверен, что кофеварит она так же хорошо, как вы нажимаете на кнопку. Кстати, позвольте представиться: я – Егор Добров, – он протянул мне визитку, обычную белую, без выпендрёжа, зато приятную на ощупь. – А как вас зовут, прекрасная представительница праздника на работе?

– Виктория Иванова, – ответила я, – извините, визиток не держу. Берегу лес.

– Вы из зелёных? – удивился Егор.

– Нет, сегодня из синих с жёлтым, а там по настроению.

– Ну так как насчёт кофе?

– Боюсь, что сегодня никак, – подумала я о тренировке,

которую и так пришлось пропустить на прошлой неделе. – А завтра заходите.

– В шесть, – утвердил он.

– А давайте в шесть, – согласилась я.

Нагнать так нагнать. Исчезновение ассистента в секунду окончания рабочего дня наверняка будет рассмотрено Михаилом как саботаж. Но вот Трудовой кодекс с ним в этом поспорит, а наших юристов я бы уже поувольняла.

Глава 5

Среда опять стояла мне часового макияжа утром, а вот наряд я выбрала с вечера, ткнув пальцем в шкаф с закрытыми глазами. Повезло! В беспроигрышной лотерее я вытянула на свет божий платице в шотландскую клетку с аккуратным воротничком и манжетами. Вполне себе скромное сверху, зато снизу отрезная юбочка-полусолнце – мини в стиле самых смелых шестидесятых. И к красным туфлям хорошо. Уж не знаю почему, но сердце подсказывало: надо именно красные! Но теперь на шпильке. Длинные бусики, браслет и серьги, как у героини «Дьявол носит Прада». Да, меня несло, как паровоз. Почувствовав вкус азарта, я не планировала останавливаться, да и не хотела, если честно. Словно дала себе редакционное задание, чтобы потом написать книгу «Как взбесить босса» на основе реальных событий. А что? И напишу! Все маститые мастера говорят новичкам: «Пишите о том, что знаете. Иначе читатель вам не поверит». Ну, а я набираю опыт в вопросе дёрганья удава за хвост не по дням, а по часам. Правда, не знаю, чем это кончится. Но точно ничем плохим. Для меня...

Кстати, я и не заметила, что все мои мысли были заняты биг-боссом и тем, как красиво вывести его из себя – конечно, в те моменты, когда разум не занимали дела рабочие. А Михаил, даром, что чурбан стальной, словно чувство-

вал, что меня надо отвлекать от свободомыслия. Потому мой ежедневник был исписан поручениями так, что разворота страниц не хватило: перевод главы французской книги про бизнес, бронирование отеля для гостей, план встреч до конца ноября, ответы просителям, запросы в регионы от имени удава, отчёт по его командировкам за прошлый месяц и так далее...

Кроме того, одна из записей гласила, что Михаил прилетает в десять утра. Я готова была поставить на кон всю будущую зарплату – сразу явится в офис! Чтобы порычать на меня глаза в глаза. Предательские мурашки пробежали по спине: всё-таки он не маленький и явно сильный мужчина и, очень вероятно, что в душе псих. Но моя внутренняя женщина, борец за справедливость и против угнетения Дахи и всех тех, кто придёт после меня, сказала: «Ну-ну, и ничуть не страшно».

Вся красивая и полная предвкушения урагана, я пришла на работу опять к восьми. Поднесла ключ к дверям приёмной и обнаружила, что она открыта. Кхм... Я зашла и увидела раскрытую настежь дверь в кабинет биг-босса.

Упс, мы билеты поменяли? Не терпелось устроить разнос?

Михаил стоял посредине кабинета и, взирая на пальму в углу, даже не просто пальму, а живописный альпийский уголок вместо серой пустоты, нервно мял в руке перчатки. Услышав шум моих каблуков, обернулся.

– Что это, Виктория? – угрожающе начал он, скользнул

взглядом по моей причёске, лицу и снова уткнулся в туфли. Вскинул зелёные глаза и процедил: – И вы опять посмели одеться...

– И вам доброе утро! – улыбнулась я, расстёгивая пальто и почему-то притягивая этим движением пальцев всё внимание удава. – А у нас сегодня лето вернулось! Такое солнце с утра! Хорошо после морозца в Москве, да?

Он не улыбнулся в ответ, бросил перчатки на стол.

– Не заметил. А вот это, – он ткнул пальцем в альпийскую горку, – немедленно убрать. И более ничего, – жёстко рыкнул он, – слышите, ничего в моём офисе не менять без моего разрешения!

– Ладно, – невозмутимо пожала я плечами. – Но у вас тут так уныло. И энергетика негативная.

– Это не цирк, а рабочее место! Веселиться будете... – он осёкся и, глянув за моё плечо, переключился на ровное: – Здравствуйте, Егор Дмитрич!

Я обернулась и наткнулась на сияющую улыбку восхитительно-лысого. Он снова вошёл в приёмную, как к себе домой.

– О, Егор, доброе утро! – вырвалось у меня.

– Доброе утро, девушка-праздник, и вам, Михаил Валерьевич! – лысый мачо в распахнутом чёрном пальто и в костюме-тройке поцеловал мне руку и лишь затем прошёл в кабинет удава для рукопожатия. – Я украду у вас ассистента, честное слово! Прежние, – он оценивающе посмотрел на

меня, – уж простите, никакого сравнения не выдерживают!

Михаил поджал губы и не позаботился даже о формальной улыбке. Железяка. Правда, Егора это не волновало. Он улыбался так, словно мир принадлежал ему. А я подумала о том, что мне, писателю, чертовски повезло с персонажами. Просто к Пушкину не ходи – всё тут, налицо, как в «Евгении Онегине»: *«Они сошлись. Волна и камень. Стихи и проза. Лёд и пламень»*.

Вдруг в голове мелькнуло: «Интересно, стреляться тоже будут?» Внизу живота похолодело, представился снег, лес, взлетает ворона со старого дуба: «Карр!»; Егор скидывает в порыве благородного гнева пальто с плеч и наставляет на Михаила старинный пистолет. Удав стоит, не дрогнув, а я бегу меж голых берёз и вязов, путаясь в юбках... Снег набивается в красные туфли. Аж на самом деле стало зябко. А чёрт, это удав окно открыл, и сквозняк. Я встряхнула головой: «Что за чушь! Каменному изваянию стреляться незачем».

– О, у вас, наконец, оживляж в офисе, Михаил Валерьевич! – заметил Егор растения. – Прекрасно. У моего партнёра в Лос-Анжелесе такой же живой уголок!

– Да, – сухо ответил Михаил. – Что вы хотели?

– Обсудить договор аренды на следующий год.

– Что ж, прошу, – Михаил указал на кресло за столом переговоров и, медленно снимая пальто, буркнул мне: – Дверь закройте, Виктория. С той стороны!

Я закрыла и взглянула на визитку Егора, оставленную вчера без заслуженного внимания. Ого, а он, оказывается, генеральный директор бизнес-центра, в котором мы этажи арендуем. Я влезла в интернет, и Гугл сообщил, что Егор Добров – не только директор, но и владелец «Арденского» бизнес-центра. Ничего себе! А я с ним кофе сегодня пить иду... Вау!

* * *

Едва ушёл Егор, Михаил заявился ко мне в приёмную, как Кутузов к Наполеону. Правда, пока с двумя глазами. Он остановился перед моим столом и бросил на клавиатуру распечатанные листы.

– Что с этим надо сделать? – улыбнулась я.

– Подписать и отдать в отдел кадров.

Я скользнула взглядом по жирному заголовку: «Дополнительное соглашение к Трудовому контракту». Хо-хо, да он, кажется, с домашней работой в офис пришёл! Сейчас бы наваять не успел. Итак, от предвкушения аж во рту стало сладко, и я прочитала:

«Обязанности работника»:

1. *Соблюдать трудовую дисциплину в соответствии с требованиями руководителя.*

2. *Соблюдать установленный руководителем дресс-код: строго деловой фасон одежды без фривольных элементов,*

длина юбки – ниже колен, сдержанные расцветки: серый, чёрный, тёмно-синий, тёмно-коричневый...

Дальше я читать не стала, подняла на удава глаза и показала головой:

– Нет, простите, но я это не подпишу.

Он нахмурился.

– Это моё требование! Вы обязаны его выполнять!

– Согласно Трудовому кодексу, нет, – улыбнулась я. – Но вы, конечно, можете ввести форму или спецодежду в компании посредством правовых актов. Для всех сотрудников. Как, к примеру, у железнодорожников. Только тогда вы сможете привлечь меня к дисциплинарной ответственности за несоблюдение правил.

Михаил издал звук, словно крышка железного чайника. Ой, кажется, сейчас и правда закипит! Стало страшно, как если бы я дразнила тигра, у которого внезапно открылась дверца в клетке, но я проглотила страх, теребя пальцем шарики бус, и мило добавила:

– Учитывая, что премия мне не положена, лишить её вы меня не можете, а выговор или прочие взыскания согласно закону возможны при наличии доказательств, что короткая юбка и цвет платья повлекли за собой некачественное выполнение моих трудовых обязанностей или реальную угрозу здоровью. У вас есть претензии к моему переводу? А к качеству поданного чая?

– Что вы тут устраиваете, Виктория?! – навис надо мной

Михаил, готовый придушить. – Подписывайте допсоглашение и прекратите этот цирк. Вы обязаны мне подчиниться! – А если нет? – я взглянула прямо в жгучие зелёные глаза. Холодок и что-то горячее сплелись в груди, как две змейки.

– Мы с вами вряд ли сработаемся, – прорычал он.

Я вздохнула и изобразила философскую печаль:

– Значит, так распорядились звёзды. Вы ещё чаю хотите?

– Нет! – рявкнул он и рванул в свой кабинет.

Через пять минут в приёмную постучалась Анна Юрьевна из кадров и юристы Славик и Игорь Петрович. Подтянулась Полина. О, кажется, начался совет в Филях!

Я довольно разгладила юбочку и углубилась в перевод. Хотя мурашками по спине пробегало колючее любопытство. Жуть, как было интересно, что они решат: уволить меня страшно незаконным способом или всё-таки выдать каждому сотруднику по фуфайке согласно правовым актам?

* * *

Что было решено о фуфайках, мне не доложили. Однако с того момента, как собрание рассосалось, Михаил начал боевые действия. То и дело раздавался его голос в телефоне:

– Воды. Чаю. Отчёт. Что вы ползаете, как муха?! Почему на моём столе нет нормальной ручки? Нет, те, что есть, не устраивают. Где список рассадки гостей на корпоративе?

Где вы ходите?! Пять минут никто не поднимал трубку, телефон разрывается! Может, вам ещё помощника нанять?! А меня не касается то, что одно задание противоречит другому! Вы хвалитесь тем, что профессионал, значит, должны разобраться. Почему до сих пор не готов перевод? Чем вы вообще весь день занимались? Ах, отчёт?! Вы не умеете ставить приоритеты!

Гад последний, изверг, тиран! Было же ясно, как день: удав решил превратить мою жизнь в ад. И до шести часов вечера я три раза порывалась написать заявление об уходе, но сдержалась. Мой тренер по айкидо говорит: *«Как бы сильно ни дул ветер, гора перед ним не склонится»*⁵! Я тут гора, между прочим, а не эта железяка бессердечная!

Когда на меня давят, я ещё больше сопротивляюсь, а потом, как пружина, бац, и в лоб! Но на айкидо предупреждали о необходимости проявлять терпение к противнику. Впрочем, говорить о том, что я занимаюсь восточными единоборствами пока язык не поворачивался, так как я успела посетить всего четыре тренировки. Всё детство мечтала – папа не разрешал: «Ты девочка, ударят, что потом?». Потом не разрешил Саша, моя почти сложившаяся любовь на третьем курсе университета. Потом было некогда, и, как обычно случается, я забыла про мечты.

А недавно я решила: «Эдак скоро песок начнёт сыпаться, а я так ни одного «кия» и не прокричу!» Специально посмот-

⁵ Китайская пословица

рела: есть очень женственные каратистки, и ничего у них не отбито. Значит, и мне не помешает. И купила абонемент. Первое занятие оказалось лекцией, на трёх других я думала, что умру. Домой заявлялась ползком, а занимались мы только общей физподготовкой. Так что бойца из меня пока никакого, зато афоризмы за тренером хоть в блокнот записывай. Его любимое: *«Искушение сдаться будет особенно сильным незадолго до победы»*⁶.

«Если мне хочется написать заявление прямо сейчас, значит, победа не за горами», – сказала я себе. И работала, как вол, ругалась про себя, как грузчик, и смотрела на часы в ожидании шести – времени освобождения от ярма и приятного похода с Егором... Куда? Не знаю, куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Стрелки часов подползли к шести, я вскочила с места, отправив компьютер в спящий режим. В тот же момент Михаил вышел из кабинета с какой-то папкой, словно палач с топором, и спросил холодно:

– Куда это вы собрались?

– Домой.

– Нет. – Он положил папку передо мной. – Если вы так хорошо знаете Трудовой кодекс, то наверняка и договор прочитали. Там указано, что ваш рабочий день ненормирован, – и вдруг изобразил подобие улыбки. – Согласно Трудовому кодексу, я предоставляю вам за это три дополнительных дня

⁶ Морихэй Уэсиба (основатель Айкидо)

отпуска. – Улыбка стёрлась с его лица, и удав сообщил жёстко: – Но не сегодня. До завтра мне нужен перевод десяти страниц Устава компании на французский язык.

Очень захотелось запустить ему папкой в лоб.

В дверях появился Егор.

– Всем добрый вечер! Вика, вы готовы?

Я не успела раскрыть рот, как Михаил ответил:

– Виктория сегодня занята срочной работой.

– Но Михаил Валерьевич, – подмигнул по-свойски ему Егор, – у нас планы. Работа не волк, в лес не убежит.

Удав сообщил ему стальным тоном:

– Не в этот раз. Если утром мы не предоставим партнёрам документы для контракта, работа именно, что убежит. Увы, Егор Дмитрич, какими бы ни были ваши планы, вынужден их расстроить. Помимо Виктории других переводчиков у меня нет.

Егор посмотрел на меня вопросительно. Было велик соблазн всё бросить и заявить во всеуслышание, что партнёры не при чём, просто директор самодур и гад последний. Но тут же в голову прокралась мысль: Егор обаятельный и богатый, и явно знает об этом. А я пока для него – просто девушка-праздник и возможность приятно провести время. Может быть, если ему придётся подождать и слегка меня подобиаться, будет только лучше? Наверняка. Не зря же в сказках принцесс в замок сажают и рядом дракона на цепь? Что ж, удав в роли дракона весьма типичен. Надеюсь, однажды ему

снесут голову. Топором или этой же папкой. Ох, как же хотелось сделать это самой – всё кипело в душе! Но я улыбнулась и развела руками.

– Извините, Егор, действительно работа.

– Что ж, хорошо, – кивнул Егор, правда улыбаться перестал, взглянул на удава недобро, затем на меня, уже мягче и с пониманием. – Тогда, Вика, переносим наше randevu на завтра?

– Да, – ответила я со вздохом.

– А лучше позвоните мне, когда закончите. Ведь вы же не будете здесь ночевать, – добавил Егор. – Я подъеду за вами.

– Это будет поздно. Я сам отвезу Викторию. Я тоже вынужден работать до победного, – вдруг ответил Михаил, чем ещё больше меня взбесил.

«Победа близко, победа близко», – бубнила себе я, потому что искушение всё бросить сидело уже практически на носу. На этот раз моя улыбка вышла кислой и разочарованной.

– Хорошо, тогда до завтра, Вика! – сказал Егор.

Рукопожатие его и Михаила было очень холодным. Если так пойдёт, удаву придётся вдвое больше платить за аренду...

Егор вышел. А удав не торопился – стоял и смотрел на меня пристально, ничего не говоря. Радует своей гадости, робот ходячий! Ну-ну! Железный дровосек без сердца! Ненавижу! Просто разорвать готова! Ещё и ехать с ним придётся!

Не желая ему показывать настоящие чувства, я села, спо-

койно открыла папку и ткнула пальцем на пробел на клавиатуре. Я назло буду переводить долго и не торопясь. Пусть ждёт. И шоколадки из его резерва все съем!

Да, допустим, сейчас 2: 1, но завтра будет иначе!

* * *

В двадцать один ноль-ноль удав вышел из своего логова и сунул нос в коробку из-под шоколада возле кофе и чая.

– Где шоколад, Виктория? – спросил Михаил.

– Съела, – ответила я, не отрываясь от экрана.

– Весь?! – сталь дрогнула в голосе и пробилось что-то человеческое. Удивление – великая вещь!

– Ну, ужина вы меня лишили, не клавиатуру же мне грызть? – ровно ответила я, и не думая признаваться, что ещё три плитки заныкано у меня в нижнем ящике.

Удав, кажется, завис.

«Тяжёлый у него был день, угу! – думала я недобро. – А мне кто молоко за вредность выдавать будет?!»

– Закажите завтра ещё упаковку, – наконец, обрёл дар речи биг-босс и, не шоколадно поемши, скрылся в своём кабинете.

В офисе воцарилась тишина, и лишь цоканье моих пальцев по клавишам нарушало сонную полутьму, в которой только банк грабить.

В двадцать три десять я поставила последнюю точку, вста-

ла и дёрнула за ручку двери в «удавью». До моего слуха до-
неслось женское:

– Un, deux, trois, quatre⁷... повторяйте за мной!

А Михаил спал перед компьютером, неловко прикорнув
на кресле. Рот чуть приоткрыт, и сопит, как настоящий. Ис-
кушение рывкнуть ему на ухо «Бу!» было велико, но в спя-
щем удаве снова проявилось что-то человеческое. И даже,
как ни странно, уязвимое. Аж весь негатив к нему испарил-
ся. Надо же, и ресницы у него длинные, пушистые! Не заме-
чала как-то...

Устал меня гонять, бедняга. Ну, конечно, если в восемь
утра Михаил уже был в офисе, причём чисто выбритый и в
свежей рубашке, а в девять вечера ещё звонил из Москвы,
значит, летел ночью. Удивительно, на какие жертвы пошёл,
лишь бы приструнить мятежного ассистента. Так если поду-
мать, ведь моё платье – ерунда же!

Я помялась на пороге кабинета. Сбежать и позвонить Его-
ру? Нет, поздновато. Да и если оставить биг-босса, после та-
кой позы у него утром наверняка шея поворачиваться не бу-
дет. Поэтому я громко постучала три раза по дверному по-
лотну. Михаил встрепенулся, подскочил, заморгал испуган-
но.

– Вы что хотели, Виктория? – пробормотал он, одёргивая
пиджак и тщетно делая вид, что всё в порядке. Я вот так тоже
утром с папой разговариваю по телефону, когда он звонит,

⁷ Один, два, три, четыре

чтобы не называл меня засоней, а я ведь люблю в воскресные часиков до десяти поваляться. Но папа всегда догадывается и получается только смешнее.

– Вы обещали меня отвезти, – сказала я. – Перевод уже у вас в почте.

– Да, хорошо, – кивнул он, моргая своими длиннющими ресницами, – дайте мне минуту.

Я прикрыла дверь и поджала губы, чтобы не хмыкнуть громко.

Действительно через минуту Михаил вышел из своего кабинета, подтянутый, строгий. В общем, снова изваяние. Эх!

Мы спустились на подземную стоянку. Он прошёл к сверкающему чистотой автомобилю с обтекаемым, как у космического челнока, серебристым кузовом. Я не разбираюсь в марках, но это было красиво и сразу видно – статусно. Кожаный салон цвета слоновой кости, приборная панель тоже как для лайнера. И безупречный биоробот за рулём.

Мы выехали на ночные улицы центра, щедро освещённого фонарями. Те подсвечивали жёлтую листву на фоне густого синего неба, и город казался волшебным. Я скосила глаза на удава: интересно, он вообще видит всё это? Звёзды? Красоту улочек и уснувших домов прошлого века? Романтичный дух осени, кусты с алыми вкраплениями ягод, утопающие в тени пустые скамейки сквера? Золото, рассыпанное по дорожкам?

Кажется, нет. Взгляд зелёных глаз сосредоточен на доро-

ге и светофорах, губы плотно сжаты, руки на руле, пиджак без лишней складочки, туфли на вид очень дорогие. Но лучше б на них было пятно, а на пиджаке бы повисла пуговица, потому что вся эта безупречность была какой-то неживой, пусть и красивой. Очень. В голове снова возник «Евгений Онегин» и перефразированные строки про *«красавцев недоступных, холодных, чистых, как зима, неумолимых, неподкупных, непостижимых для ума»*. У Пушкина, правда, было про красавиц, а не про самодуров упёртых. Но мне вдруг захотелось сделать что-то, чтобы разбудить Михаила. Не знаю, из вредности ли, из любопытства или просто из баловства. И я сказала:

– Вы учите французский? Всё равно не успеете до поездки в Париж.

Михаил непонимающе взглянул на меня.

– ... но программу получше я могу вам посоветовать, – улыбнулась я. – И хорошего учителя. Учить язык будет просто и интересно.

Нет, конечно, я не себя имела в виду, а Евгению Михайловну, моего потрясающего репетитора с невероятным чувством юмора и умением найти подход к каждому. Она так подтянула меня по языку, что три курса в университете мне потом было нечего делать.

– С этим разберётся отдел кадров, – отрезал железный дровосек. – У вас есть свои обязанности.

– Как угодно, – ответила я и обиделась. Кто меня просил

лезть? Никто.

Михаил остановил авто у шлагбаума, перегораживающего въезд во двор. Холодно попрощавшись с боссом, я вышла из машины. Хлопнула дверцей и поёжилась. На лавке сидели бурно-матерные подростки с пивом. Чёрт, идти мимо них придётся... За спиной раздался характерный щелчок двери, и удав оказался рядом.

– Где ваш подъезд?

– Вон там, в дальнем углу, – поражённо ответила я.

– Идёмте.

Так же, не говоря ни слова, мы прошли к крыльцу. Я ткнула ключ в домофон, прошла к лифту. Удав за мной. Я насто-роженно наблюдала за ним: что он делает? Неужели прово-жает? Или просто контролирует до конца? Чтобы потребо-вать перекрасить дверь в квартиру из красного в уныло-се-рый? С этого станется.

Михаил довёл меня до двери. Мой кот жалобно замыкал изнутри. Шеф нахмурился. Неодобрительно глянул на сову на звонке, с отвращением – на выцарапанную на побелке ря-дом надпись «Вика, я тебя люблю», накорябанную Серёжкой Бойко ещё в одиннадцатом классе. Скользнул взглядом по моему короткому пальто и ногам в тонких колготках, туф-лям.

– В восемь тридцать. Без опозданий, – приказал удав и быстро сбежал по лестнице вниз.

Я вошла в квартиру в полном недоумении: что это было?

Мурзик ломанулся мне в ноги, чуть не сбивая пушистой головой и обиженно мяукая. Я присела на корточки и взяла его на руки:

– Прости, маленький! Сейчас покормлю, это всё этот виноват... железный!

Кот сказал громко мне в лицо «Мяу», имея в виду, что ему плевать, он бедный, несчастный и мне должно быть стыдно. Мне и было. Канарейка в ответ на включённый на кухне свет чирикнула, распушила пёрышки и снова задремала. Я заполнила миску Мурзика едой, подлила воды птичке и только потом пошла снимать пальто. Ничего не хотелось, тем более завтра на работу. К этому невоспитанному тирану!

Нет, это совершенно никуда не годилось! И вообще не шло ни в какие рамки! Ёжик проснулся в душе и затопал ножками в темпе революционного марша: *«Вихри враждебные веют над нами, Тёмные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами...»*⁸ Да, нечего расслабляться! Между прочим, пока удав дрых в кресле, я переводила дурацкий устав!

И вообще, после такого поведения за день, моего желудка, грозящего быть испорченным крокодилей порцией шоколада, сорванным свиданием и усталостью, достойной раба на плантации, один нормальный поступок удава в зачёт не идёт! Тем более, что разговаривать он нормально не соизволил! Вот что ему стоило сказать: «До свидания» или «Спокойной

⁸ «Варшавянка» (песня)

ночи»? Сломался бы язык, что ли?! Нет, я просто обязана продолжить борьбу! Ведь я уйду вот-вот, а Даха сколько мучилась, и после меня тоже кому-то придётся...

Нет, я ему попорчу кровь, а там хоть трава не расти! Что у меня по списку? Ага, мы терпеть не можем запах еды в офисе. Ну ладно, а я терпеть не могу шоколад на ужин и невоспитанных чурбанов! Решено. И я открыла холодильник с таким же настроением, с каким старший брат Ульянова-Ленина собирал бомбу для террористической атаки на царя.

Глава 6

Я категорически не выпалась даже для макияжа. Мрачно посмотрела на тушь и губную, но тут вспомнился ещё один афоризм, правда не тренера по айкидо, а китайского стратега Сунь Цзы: *«Если ты и можешь что-нибудь, сделай вид, что не можешь. Обман – это средство добиться победы над противником»*⁹. Очень вовремя!

Увидев меня утром за рабочим столом в чёрном балахоне, без украшений, косметики и с высоким, тугим хвостом на голове вместо укладки, Михаил с одобрением кивнул:

– Я рад, что вы учли мои пожелания, Виктория.

– Угу, и настроение сегодня не очень, – ответила я угрюмо.

Конечно, когда я встала относить ему зверски заваренный чай, удав увидел, что балахон-то короткий, а сапоги высокие, бархатные и облегающие ногу выше колена. Но, видимо, отсутствие косметики на моём бледном лице он счёл за уступку и промолчал. Когда я курсировала туда-сюда с черновиком презентации, заметила, что эта полоска кожи под тонким чулком между краем широкого платья и верхом ботфорт приклеивает его взгляд к моим ногам намертво. Ну и пусть! Чтoб ему было плохо, как мне сегодня!

⁹ «Искусство войны»

В офисе все суетились. Особенно Алиса: юбилей, приезд важных гостей и клиентов, торжественная презентация уже завтра. Бухгалтера наклеивали флажки над доской объявлений, уборщицы с особым тщанием натирали стёкла над грамотами в рамках, менеджеры по продажам под минус репетировали переделанную под корпоративный праздник песню. «А знаешь, что ещё будет?» – то и дело нестройно доносилось из конца коридора, стоило мне высунуть нос из приёмной. Так и хотелось сказать: «Знаю-знаю, шашлык из вас будет, если споёте плохо. Удав лично приготовит!»

Участвовать во флешмобе никто не хотел, но тиран сказал: «лишу премии», и все пели, прославляя насосы: от красноты великана-вождя спецпроектов до мальчика-зайчика по работе с мелкими заказчиками. Выглядело это не хуже, чем в мультике, где оперный хор зайцев во фраках и коварный охотник с ружьём трагически надрывались: «Сейчас прольётся чья-то кровь...». Надежды на премию в лицах менеджеров было мало. Алиса психовала: мимы ещё не приехали с гастролей, агентство, которому было поручено сделать подарки для каждого гостя, никак не привозило сюрпризный мешок, а ведущий просил внести правки в сценарий, потому что он «не может произносить вслух такой пафос».

У девочек из маркетинга дёргались нервно веки, когда удав приходил посмотреть, как они репетировали другой номер – танцевальный, где Калинка-Малинка резко переходила в современный хит. Бонусы тоже стояли на кону. Все

проклинали тот миг, когда удав решил проявить оригинальность.

Сам биг-босс, забыв про обед, раскатывал начальников отделов под асфальт, требуя предоставить «красивые цифры». Начальники носились и потели, а я печатала-печатала-печатала, будто заводной станок. Как обычно, работы было по самые уши. В том числе, срочной только потому, что «я так решил». Михаил вышел в очередной раз проверить хор «зайцев», а я подумала: «Пора!»

Закрыла плотно все окна, открыла дверь в кабинет тирана, достала из сумки термос и налила в домашнюю тарелку горячего, ароматного борща. Из второго термоса выудила котлеты. По бабушкиному рецепту. Горяченькие, сочные, от души сдобренные лучком. И свежее выпеченную чесночную пампушку развернула из полотенца. Помахала папкой над блюдами, развеивая съедобные запахи по офису. Конечно, идеально было бы ещё селёдочку под зеленым луком нарезать, но бежать за ней ночью в супермаркет было не с руки. Пришлось готовить из имеющихся продуктов.

В кабинет заглянула Полина, сделала круглые глаза и смылась. Я продолжила печатать одной рукой, вооружившись ложкой другой.

Дверь в офис открылась.

– Виктория! – рявкнул с порога Михаил. – Что это?!

– Борщик, – ответила я, – и котлетки. Всё равно в столовую бежать некогда. Вы ведь потребовали презентацию сно-

ва переделать.

Он потянул носом, сглотнул слюну, но демонстративно поморщился. А я знаю, что пахнет вкусно. И очень едой.

– В офисе не должно пахнуть, как в столовой, Виктория!

– Это не как в столовой, это домашнее. Сама готовила, – ответила я оскорблённо. – Попробовать хотите?

– Нет! Проветрить немедленно!

– Нет, извините, холодно.

Кажется, удава вот-вот хватит кондратий. Он быстрым шагом направился к окну и распахнул его. А я встала, подошла, ощущая, что в каменном изваянии проснулся натуральный огонь, аж воздух рядом задрожал.

– Если у меня заболит горло, переводить я точно не смогу, – сказала я и закрыла створку перед его носом.

– Вы что, издеваетесь?!

– Нет, – улыбнулась я. – Я ем. Могу поделиться – у меня ещё и для ужина припасено... Но если вы планируете оставить меня работать, как вчера, после шести, то не поделюсь.

Он пыхнул, как дракон, зыркнул гневно на мой пикник на столе и выпалил:

– Идите куда хотите в шесть часов! А сейчас ешьте. И быстро!

Затем Михаил рванул в свой кабинет, увидел закрытые окна, выругался и захлопнул дверь в приёмную. А я довольно улыбнулась и позвонила Егору, который уже с утра освещался о моих планах на вечер:

– Здравствуйте, сегодня я освобожусь ровно в шесть.

– Как здорово! – ответил он с явной улыбкой. – А то я уже думал, не отключить ли мне электричество в здании после шести.

«Наш человек», – подумала я.

И, наслаждаясь домашним борщом и котлетками с пампушками, декламировала про себя в сторону директорского кабинета:

*«Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но ненормированным днём боле,
Меня, удав, не испугать...»*

* * *

Народная женская мудрость гласит: *«Чтобы выглядеть, как богиня, нужно двадцать минут. Чтобы выглядеть естественно, нужно три часа»*. Учитывая дефицит времени, пришлось настроиться на образ богини. К половине шестого голова слегка кружилась, потому что устала я, как ни крути, капитально. Но я подхватила сумочку и укрылась в женском туалете – единственном месте, куда удав не совал свой аристократически безупречный нос.

Егору моя трудовая бледность была ни к чему, поэтому

я подкрасила глаза, губы и подрумянила щеки. Распустила волосы. Достала украшения и пояс. И вот уже балахон – не балахон, а маленькое чёрное платье.

Я вошла в приёмную и натолкнулась на Михаила. Кажется, он был не готов к такому быстрому преобразованию, потому что застыл с папкой в руках и забыл, куда шёл.

– Вы что-то хотели? – спросила я, скользнув взглядом с изваяния на часы.

Без пяти шесть.

– Ещё раз надо презентацию... – начал было он.

Но я пожала плечами:

– Уже не успею. Вы же сказали, что я могу уйти в шесть.

– Куда? – вдруг спросил удав.

– Надеюсь, что не домой, – улыбнулась я, достала котлету в судочке и поставила возле чайника и пополненного с утра резерва шоколадок в коробке. – Вот, у меня котлета осталась. И пампушечка. Борщ не предлагаю, он уже холодный. Угощайтесь, если снова задержитесь в офисе.

– Нет, спасибо, – сказал Михаил с таким видом, словно я ему змею на подсолнухе предложила.

Но я не убрала. Пусть лежит и пахнет. Ему назло.

В этот момент в дверь заглянул Егор, кивнул биг-боссу и перевёл взгляд на меня. Восхищённый.

– Вика, вы готовы идти?

– Да, – просияла я.

И пока Михаил не придумал, что в срочно-обморочном

порядке нужно перевести манифест насосных профсоюзов Гвинеи-Бисау или заказать билеты Егору на Северный полюс в один конец, я подхватила сумочку, пальто и выскользнула в коридор. Егор подал мне руку, и мы пошли к лифту.

Я стала внезапно лёгкая и свободная. Боже, как давно я себя так не ощущала! А ведь это моё нормальное, обычное состояние – радоваться моментам и любить жизнь! Замечать солнечных зайчиков на стёклах, восторгаться полётом пылинок в солнечных столбах, разгадывать образы облаков в небе и прислушиваться к птицам, чьи голоса нет-нет, да прорываются сквозь шум большого города. А вовсе не строить козни тирану! Да! Скоро ему грозит лишь участь персонажа в моём юмористическом романе. И никаких тебе больше: «Чаю. У вас ошибка! Приоритеты. Отчеты»!

Две недели прошло! Ужас! Завтра будет две недели тирании в моей жизни! Я узнала себя с новой стороны – оказывается, я умею быть коварной и радоваться этому, а мнила себя возвышенной и пушистой. Почти белочкой... Но, как выяснилось, у белочки ещё и зубы крепкие. Что ж, хорошо, что мой поход на тирана близится к концу! А то так ненароком обращаюсь в кобру и не замечу. Ведь говорит же индийский мудрец Васиштха о том, что для счастья и развития человеку важна хорошая компания...

– О чём задумалась, Вика? – спросил внезапно Егор.

Я улыбнулась ему.

– Так. Слишком много работы было в последнее время.

Но это не очень интересно. Расскажите о себе.

– Прямо сразу? – усмехнулся он.

– Жизнь коротка. Чего время терять?

– Мне нравится твой подход! – сказал Егор, выходя из лифта на парковке. – И давай сразу на «ты», чего время терять?

Мы рассмеялись. Нас ждал невообразимый жёлтый с чёрным спорткар. Едва мы сели, Егор нажал на педаль, и авто с визгом рвануло со стоянки. Ой.

Мы помчались по городу с такой безбашенной скоростью, что хотелось схватиться за всё, что попало, тормозить каблучками в пол, а лучше зажмуриться.

– А давайте чуть-чуть помедленнее, пожалуйста, – попросила я.

– Давай, мы на «ты», – напомнил Егор.

– Хотя и на «ты», но помедленнее.

– Не бойся, ты в руках лётчика, – хохотнул он. – Реакция у меня что надо! Я в прошлом военный истребитель, так что всегда не езжу, а низко летаю.

«Уж лучше внимательный биоробот за рулём», – подумалось мне. Я снова вжалась в кресло, забывая, как дышать, когда мы на лихом вираже обошли КАМАЗ и вылетели на проспект.

– Падать некуда, мы на земле! – добавил Егор.

– Зато вмазаться в стену можно с разбегу... – пробормотала я.

Он снова расхохотался и, сжавившись, снизил скорость.
– Ладно уж, но ты привыкай!

«О нет, лучше на маршрутке с джигитом – мысленно парировала я. – Или пешком».

Егор притормозил возле ресторана «Моне», гранитной глыбой раскинувшегося за бамбуковыми зарослями, искусственным японским прудом с обязательным полукруглым мостиком, кувшинками и мелькающими красно-оранжевыми спинками карпов кои. Егор выскочил из авто, подал мне руку и провёл по мостику к застеклённому витражами крыльцу.

Приятная музыка, тёмные портьеры, диванчики, освещение в стиле интим. Немноголюдно. Администратор, девушка с точёной фигуркой, поприветствовала Егора, назвав по имени-отчеству и провела к «любимому столику».

– Тебе здесь понравится, – с видом искusstителя сказал Егор, и как бы направляя меня меж столиков, положил ладонь на талию и съехал пониже.

Упс. Показалось? Я чуть ускорила шаг, якобы не поняв, в чём дело.

Администратор указала профессиональным жестом на столик в углу. Я села на чёрный диван, Егор скользнул рядом.

– Как насчёт сета роллов? Вот этого – «Императорского»?

– Почему бы и нет? Хотя это же вроде французский ресторан? – удивилась я.

– По моей просьбе они взяли японца. И не прогадали, – подмигнул Егор и озвучил заказ официантке.

– Ты знаком с владельцем?

– Даже вошёл с ним в долю, когда у них дела пошли не очень.

– А у тебя, кажется, дела идут неплохо, – заметила я.

– О да, – Егор откинулся довольно на спинку дивана, и его рука оказалась слишком близко к моей спине. Вторая потянулась к моему бедру.

Хм... слишком быстро. Я отодвинулась. Он придвинулся. Усмехнулся. Подмигнул мне с намёком:

– Жизнь ведь коротка.

– Но не настолько, – ответила я.

И тут зазвонил служебный телефон. Я подняла, почти с облегчением. Михаил прорычал мне в ухо:

– Виктория! Немедленно возвращайтесь в офис!

– Я занята, извините...

– Я знаю, чем вы заняты! Но у нас форс-мажор! И если сейчас же вы не явитесь в офис, то и вы, и ещё сотня ваших коллег останутся завтра без работы! И я в том числе!

Судя по голосу, удав был явно не в себе.

– Что случилось? – спросила я.

– Приезжайте! Немедленно. Я оплачу такси.

Я положила трубку в недоумении. Пожалуй, если бы не лицо Егора, слишком похожее на урвавшего сметану кота, и если бы не его внезапно игриво-масляная улыбочка, я бы

ещё подумала, но теперь я сказала:

– Простите, вынуждена вас покинуть. На работе беда.

– Да наплюй ты на этого придурка! До завтра не умрёт, – заявил Егор, протянул ко мне руку. Провёл по волосам, погладил по плечу. – Оставайся, детка.

– Нет, прости...

– Что прикажешь делать с роллами? – спросил он недовольно.

– Можно съесть и ни с кем не поделиться, – виновато улыбнулась я, пожала плечами и сбежала.

С ума сойти, но, кажется, я испытывала благодарность к удаву. Я перебежала через мостик, села в такси у ресторана и помчалась обратно к нашему бизнес-центру. Когда я вошла в офис, меня встретил Михаил. И впервые он выглядел так, словно ему в голову молния ударила – волосы дыбом, галстук набок, пиджак перекособочен.

– Что случилось? – ахнула я.

– Сервер слетел. Презентацию надо делать заново! Она нужна уже утром! – выдавил Михаил, глядя на меня с таким возмущением и подозрительностью, словно я и организовала этот теракт.

– Так ведь есть бэкап, и черновик на жёстком диске, – сказала я. – Вы же должны это знать! И ребята из Ай-Ти ещё на месте!

– Ну так распечатайте и внесите последние коррективы! – рыкнул он, нервно пытаясь пригладить волосы.

– Ну знаете! – психанула я. – У вас палец сломается на кнопку нажать?! Совсем уже?!

Тут мой взгляд упал на столик с чайными принадлежностями, и я обалдела: ни моей котлеты, ни пампушки, ни половины шоколадок. Вокруг только фольга и бумажки. И разбитая чашка, его любимая, на полу. Ого! Кажется, кто-то сильно нервничал. С чего бы?!

* * *

Я бросил распечатанную презентацию на стол и открыл файл на мониторе. По хорошему, анимацию в последней диаграмме надо убрать к чертям. Да, точно, надо убрать. К чему эта дурацкая мультипликация по multifunctional торговым центрам и жилым комплексам с нашим обслуживанием? Ещё б крокодила Гену вставила, чтоб график поставки насосов на голубом вагоне вывозил. Тоже мне профессионал! Наделала тут! И чем она вообще там занимается с этим яйцеголовым?!

Снова кольнуло где-то в области груди и бросило в холодный пот. Нет, мне совершенно на это плевать! У меня другие приоритеты. У нас завтра такой день – приезжает замминистра, а значит, мы всё-таки получим госзаказ! И отец тоже будет... Госзаказ – это же практически золотая жила и возможность дальнейшего развития, введения отложенных на лучшие времена разработок. Возможно, дополнительное

финансирование испытаний.

Как некоторые могут не понимать важности того, что мы делаем?! Нет, она, кажется, вообще ничего не понимает! Уйти ей, видите ли, надо в шесть часов! Была б моя воля, вернул бы крепостное право, общую трудовую повинность и распорядок, как в нашем спортивном интернате: подъём, разминка, пробежка, чай, вместо тренировки – выполнение рабочих заданий, короткий перерыв на обед, и снова тренировка, занятия, тренировка, ужин, душ, сон. И тогда в голове не было бы всякой хрени. Просто когда падаешь от усталости без задних ног, больше не до чего! Спать долго тоже не стоит, чтобы не снилось всякое. Выключился – включился, и на работу. Давно живу в таком режиме, и всё нормально. Бизнес развивается, мозги заняты делом. А если не делом, дорога в спортзал и в парк на пробежку. Нет парка – хоть вдоль трассы, поля, складов, по улице. Бегать можно везде. И в чём угодно. Но я купил квартиру рядом с парком. Там белочки прикольные.

Я взял в руки план проекта расширения завода.

Чёртова котлета лежала и пахла. Даже через закрытую дверь. Я понял – это саботаж! У бабушки котлеты так же пахли. А потом никто так и не научился такие делать. Надо было записать рецепт и подробную технологию изготовления. Сколько раз заказывал в ресторанах, даже в Париже, просил отцовского повара – ничего подобного. Даже сам пробовал приготовить, но это вообще не для протокола.

Я сглотнул слюну и раскрыл страницу с планом строительства. Чёрт! Да чего ж она так пахнет?!

Я подошёл, чтобы налить чаю. Лежит. В пластиковой коробке. И румяная, натёртая чем-то зеленым круглая булка. Не МакДональдс, однозначно. Снова потекла слюна. А я ходил на обед сегодня? Не помню. И выглядели котлеты у бабушки так же – ровные, поджаристые, профессиональные. Чёрт!

Хотя если съем, она и не узнает. Может, выбросил? Да, конечно! Уборщица выбросила. Утром.

Пальцы сами запихнули в рот сочное чудо. Ммм... Боже... Я прикажу ей написать рецепт! Чтобы не утратить технологию. Потом опять жалеть буду... Обожаю котлеты. Лучший друг Ромыч смеялся надо мной в детстве: «Ты за котлеты с пюре родину продашь!» Это смотря за какие котлеты!

Одна секунда удовольствия, и котлеты больше не было. А запах остался. Смешался с её личным запахом и хоть святых выноси. Я бросился к окну, распахнул его. В нос ударило осенней сыростью. Почти как дома, в Питере. Только это не Питер, меня не обманешь. Это дурацкий город, где либо жара и пыль, либо грязь по колено, либо снег по пояс. И всегда пробки. Зимой рядом с офисом даже видел одного на собачьей упряжке. Тоже мне, южная столица. Отвратительный город. И люди хамовитые. Некоторые так вообще!

Оставил окно открытым. Глянул на её стол. Снова кольнуло, да чтоб тебя!

Ручка с розовым пушком, ути. Всё вокруг её стола ещё сильнее пахло ею, этой штрейкбрехершей. Я бы ввёл как пункт трудовой дисциплины полное отсутствие запахов на рабочем месте. Отвлекают! Впрочем, эта несносная Виктория всё равно бы меня вывела. Нашла бы чем! Иногда кажется, что она специально так вкусно пахнет венскими булочками, розовым вареньем и цветами какими-то... И улыбается так... Угу, а сейчас она этому улыбается. В своей безобразно короткой юбке! Чёрт, какого хрена к ней прицепился этот яйцеголовый?! Он точно хочет увести моего секретаря! Не выйдет!

Я принялся наливать чай, а в голову то и дело лезла эта её полоска на бедре между платьем и сапогами. Как наваждение. И тонкие щиколотки. И запястья. А на них что-то так блестит красиво. Представилось, как она наклоняется ко мне, показывая, что исправила в презентации, а я не сообщая ничего. Потому что этот запах! Шейка нежная. Ушко. И в голове у меня ни одной мысли, кроме... А теперь она наклоняется рядом с этим кретином?! Бросило в холодный пот и в жар одновременно. Желудок настойчиво потребовал добавки. Я запихнул плитку шоколада в рот почти целиком. Я ем шоколад, потому что знаю: им питаются полярники, он полезен при стрессе, так как содержит теобромин, фенилэтиламин, кофеин и каннабиноиды, а триптофан способствует выработке эндорфинов. Прожевал быстро. Не помогло.

Зато воображение работало безотказно, как вирусная программа в компьютере: вот она наклоняется к Доброву, он смотрит на неё, и... Так всё живо представилось, что я поставил чашку мимо стола. Послышался мерзкий звон. На полу черепки и коричневая лужа. О нет, это же моя чашка! Вычту у неё из зарплаты!

Я рванул в свой кабинет. Сел, снова открыл план и чертежи. Такое впечатление, что в первый раз вижу. Нифига не соображаю.

Зашла Полина.

– Михаил Валерьевич, у нас всё готово. Я сделала, как вы просили, переслать Виктории или вам?

– Мне, – мрачно ответил я.

– А Виктория где? Я смотрю, она вашу чашку разбила? Но уборщица уже ушла. Ей придётся самой пол вытирать.

И тут меня взорвало:

– Не лезь не в своё дело! У тебя есть обязанности?! Выполняй!

– Извините, Михаил Валерьевич, – обиделась Полина и скрылась.

Она тоже меня бесит. Решила, что если я помог ей перебраться в Ростов из Питера, потому что врачи велели её ребёнка срочно поменять климат на более сухой и жаркий, то у меня к ней особое отношение. Женщины вообще такие. Подумаешь, заказал грузоперевозку для её мебели, оплатил аренду квартиры первые три месяца. Я оформил это на ком-

панию. И налоговые льготы по ипотеке. Я ради её мелкого подсуетился – понятно же, что загнётся со своими лёгкими в Питере. Но Полина, кажется, поняла всё иначе и теперь регулярно пытается влезть в душу и в постель.

Набрал Алису по внутреннему.

– У нас всё по плану?

– Да, Михаил Валерьевич, – сдавленно сказала она, – только мимы ещё не приехали с гастролей. Никак не могу с ними связаться.

– Значит, сама сценки показывать будешь! – рявкнул я. – Неужели трудно нормально всё подготовить?! У тебя три месяца было!

– Я подготовила, но...

– Если завтра снова услышу твои «но» и оправдания, вылетишь с работы. Имей в виду! – я хлопнул трубкой по аппарату. Ладони у меня были влажные. Кажется, меня кроет. Снова представилась Виктория. Вся такая лёгкая, большеглазая, улыбчивая... И с этим. Укрыло ещё сильнее. Не понимаю себя. Это нонсенс! У меня госзаказ на носу. И контракт с французами. Ведь всё хорошо. Но пульс шумел в ушах, словно я с парашютом прыгнул. И она с этим самолюблённым казановой, лётчиком-налётчиком! Кровь ударила в голову, и я в злости смёл со стола все папки.

Нет, всё, надо это прекращать! Но как? Да как на пожар!

Я вышел в приёмную. Потом в коридор. Из бухгалтерии выскочила Лизочка, увидела меня, скользнула по стенке и

юркнула в соседнюю дверь. В мозгу пульсировало. Виктория должна вернуться. Немедленно. Я зашёл в серверную, подошёл к серваку и нажал на кнопку RESET. Я сошёл с ума? Нет. Всё равно всё копируется на бэкап.

Влажными руками достал телефон из кармана и ткнул на кнопку быстрого набора.

– Виктория! Срочно приезжайте. У нас форс-мажор. Я оплачу такси, – произнёс я хрипло, глядя на то, как перезагружается сервер.

Глава 7

Даже у свинца есть точка кипения! Вот и моя была близка.

– И анимацию в последнем слайде надо убрать, – хрипло произнёс взъерошенный удав.

– Обойдётся! – рявкнула я, резко крутанулась и хлопнула дверь перед его носом.

Побежала, быстро цокая каблучками по паркету. Это я не убегала вовсе, а спасала наглую физиономию тирана – уж очень не терпелось запустить в неё чайником. И себя спасала заодно от привлечения по статье «Хулиганство с нанесением телесных повреждений». Наверняка такая есть. Я свернула за угол в тот момент, когда удав опомнился и эхом пролетел по коридору рык: «Виктория! Вернитесь немедленно!»

Сейчас, только шнурки поглажу, и сразу презентацию доделывать. Чего там ещё не хватает? Выстроившихся для съедения кроликов в колонтитулах? Или всплывающей смерти с косой?

Я сбежала по лестнице на шестой этаж и пошла к лифтам. Из офиса шестьсот восемь раздавались безудержные рыдания. Словно умер кто. У меня сердце оборвалось. Я не могла не заглянуть. Алиса плакала навзрыд, закрыв ладонями лицо. Я бросилась к ней.

– Что случилось?!

– Я его ненавижу! – проревела белугой наша супер-ор-

ганизаторша, замученная подготовкой юбилея и сбросившая, по-моему, килограммов пять за те две недели, что я её знаю. Тёмные короткие волосы прилипли к бледному лбу, худенькие плечи в бежевой кофточке вздрагивали непрерывно, кресло отъехало к стене и так сотрясало её спинкой, что насос в рамке грозил упасть Алисе на голову. Я закрыла дверь и присела на корточки перед коллегой.

– Михаила ненавидишь?

– Да-а, – сказала Алиса. – Он сказал, что меня уво-о-олит, если мимы не приедут! А я виновата, что они не отвечают по контактному телефону-у-у?

Я протянула ей салфетку и погладила по руке.

– Ты не одинока в своих чувствах! У меня по отношению к нему ни одного доброго слова не осталось, при том, что я вообще-то добрая.

Это никак Алису не успокоило. И я спросила:

– А заменить твоих мимов можно?

– Кем? Как?! Завтра в шесть начинается это светопреставление! – взвыла она. – У меня кредит ещё на машину не выплаченный, мама в больнице – надо двадцатку хирургу за операцию отдать, и лекарства-а-а, а он уволи-и-ит!

Да уж, ситуация. Одну не хотел увольнять, потому что ему, видите ли, неудобно, а ту, которая из кожи вон лезет, вышвыривает на улицу по злой прихоти. Ох! Я стиснула зубы. Точка кипения в моей душе замерцала красным, и желание утереть удаву нос перекрыло всё остальное. Я почесала

макушку, соображая.

– Давай придумаем что-нибудь на тот случай, если мимы не появятся! – потеребила я воющую Алису.

Она жалобно посмотрела на меня.

– У меня уже нечем думать, – затем зыркнула в угол на полке – в сторону директорского кабинета, – всю кровь выпил, вампир! И мозг выел, ненавижу...

– Как я тебя понимаю! У самой уже каша вместо извилин. И та кипит. Тем более надо придумать! Сколько минут длится выступление мимов?

– Пять...

– Это мы заполним, – подмигнула я ей ободряюще – мне Алиса и так нравилась, а теперь ещё больше, когда мы оказались в одном лагере «удавоненавистников». – Хочешь, я песню на французском спою?

– Михаил не любит самодеятельность...

– Перетерпит. Я нормально так пою, в КВНах в универе всегда пела. И вокалом занималась, было дело. У меня даже несколько минусов имеется! Тем более в свете так желаемого им контракта с французами я спою на французском. Что-нибудь из классиков: Джо Дассен или Мирей Матьё. Или даже Лару Фабиан, хочешь?! А ещё можно викторину вставить! – предложила я, загораясь идеями. – Смешную какую-нибудь? Я придумать могу.

– Прямо сейчас? – моргнула Алиса.

– Ага. Если твои мимы появятся, она не понадобится, а не

появятся, будет чем дыру заполнить.

На заплаканном остроносеньком лице Алисы появилась надежда.

– Ты правда можешь придумать?

– Перед тобой бывалый КВНщик. И писатель, между прочим.

Алиса моргнула ещё выразительнее и высморкалась в предложенную мной салфетку.

– Вот смотри, – говорила я, хватаясь за первую попавшуюся мысль, – к примеру, мы можем взять наши ростовские словечки, и предложить, как в телепрограмме, четыре варианта для разгадывания: три смешных и один нормальный.

– Михаил ненавидит Ростов. И наш говор. Он Семена Ивановича уволил за то, что тот гэкал¹⁰ с клиентами. Мы все в шоке были...

Угу, ещё один минус тирану в карму. Как его вообще Земля носит, железяку бессердечную?!

– Ему главное, чтобы гости были довольны, – ответила я. – Вон как трясётся. А если всем будет смешно, вряд ли они будут дуться.

В кабинет заглянула Лизочка из бухгалтерии.

– Алис, тебе ещё агентство счета не прислало? – спросила она деловым тоном, но увидев, что мы одни, выдохнула громко: – Фух, слава Богу, тут директора нет. А я боялась,

¹⁰ Имеется в виду произношение гортанного громкого «г» с придыханием, типичного для ростовчан

что он где-то у вас. Он сегодня совсем невменяемый. Сказал нам, что если завтра увидит крошку от печенья в бухгалтерии или если хоть кто-то явится в неподобающем виде, всех лишит премии.

Ясно, не на мне, так на других отрывается...

– Нет, Бог миловал, – улыbnулась я, – удав давится презентацией в своей «удавьей».

Лизочка расширила глаза и, юркнув к нам, тихонечко засмеялась. Шепнула:

– Удав?! Здорово, очень похоже! Правда, мы его в бухгалтерии шатуном называем.

– Почему?

– Да злой же, как медведь-шатун, которого разбудили зимой. Шатается вечно по коридорам, зыркает, кого бы наказать, – и ещё тише зашептала: – Полчаса назад шёл в серверную с таким лицом, что вообще... А потом сеть полетела, пришлось компы перезагружать. Не знаю, что он сделал с сервером. Может, тот от одного вида Михаила сам перезагружаться начал – искрил!

– Хм... Ладно, сейчас о викторине речь, – пробормотала я, решив переварить инфу про сервер потом. – Лизочка, какое чисто ростовское слово ты знаешь?

– Ну, бурак¹¹, рыбец¹², кабак¹³, кулёк, – она прыснула в

¹¹ Свекла (рост.)

¹² Сорт рыбы (рост.)

¹³ Тыква (рост.)

ладошку и доложила: – Мои московские друзья так удивлялись, что мы пакет называем кульком. И что такое синенькие не знает никто, кроме ростовчан.

– О, «синенькие¹⁴» можно обыграть! – обрадовалась Алиса. – И остальное тоже! Но вдруг удав не поймёт?

– Зато не уволит. Обоснуем, – подбодрила её я и принялась креативить: – Итак, что такое «синенький»? Ответы: а) Полицейский; б) Корпоративный цвет «Инженерных систем»; в) Сантехник после смены; г) Баклажан.

Девчонки захихикали, и Алиса принялась быстро записывать.

– Давай ещё!

– Ну-у, – я посмотрела на потолок, задумавшись, – ага, что такое «кулёк»? а) культпросвет училище; б) культурист, но ещё начинающий; в) уменьшительное от английского cool, мол, всё круто, но так, полегонечку; г) пакет. Как, а?

Хохот в ответ, и дело пошло. На наш смех, такой внезапный после разгула лютой тирании в офисе, подтянулись ещё Оля-оператор, похожая на пионерку-отличницу, и рыженькая Люся из маркетинга. Удав несколько раз звонил мне на мобильный, а я отбивала с чувством глубокого садистского удовлетворения: в сад! На сегодня объём переносимости самодурства превысил допустимые нормы.

Викторину из двенадцати пунктов мы набросали всего за сорок минут, здорово насмеявшись. Я пообещала взять крас-

¹⁴ Баклажаны (рост.)

ное платье для песни, «как у жены кролика Роджера», длинное, декольтированное и обтягивающее, неприличное ровно настолько, чтобы сгладить возможные «петухи» в моём отвыкшем от выступлений вокале. По дороге домой, не в спорткаре истребителя Егора и не в люкс-салоне удава, а в обычной маршрутке с затёртыми сиденьями, я поняла, что моё выступление станет финальной точкой в этой эпопее. Кажется, тиранище выходит за все рамки и не собирается останавливаться на достигнутом: мне свидание сорвал, не важно, какое; Алису до слёз довёл, и не известно, почему сервер полетел – очень странная вообще история с сервером. Кажется, collateral damage¹⁵ от моих боевых действий больно обходится окружающим – даже девочкам-трудоголикам из бухгалтерии и то досталось. А уж они одеваются серее некуда!

Глядя на штрихи дождя на грязном окне маршрутного такси, я подумала: слово «ненавижу» сильное, конечно, но к Михаилу очень подходящее. А я не люблю ненавидеть, я – за мир, дружелюбие, любовь и позитив. В радио запел внезапно Грегори Лемаршаль про «*métro, boulot, dodo*»¹⁶

¹⁵ Сопутствующий ущерб (англ.)

¹⁶ «Метро, работа, сон», – Известное французское выражение, обозначающее отплясывающий ритм современной городской жизни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.